

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка

Л.Б. Карпенко

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

*Утверждено Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного пособия*

Самара
Издательство «Самарский университет»
2009

УДК 481
ББК 81.2-8
К 26

Рецензент канд. филол. наук, доц. Т.П. Орехова

Карпенко Л.Б.

К 26 **Из истории славянской письменности:** учебное пособие /
Л.Б. Карпенко; Федеральное агентство по образованию. – Самара:
Издательство «Самарский университет», 2009. – 56 с.

Учебное пособие содержит статьи автора по вопросу о происхождении славянской письменности, очерк жизни и деятельности славянских первоучителей, равноапостольных святых Константина-Кирилла и Мефодия, исследование о древнеславянском письменном памятнике конца IX – начала X веков «Сказание о письменах» Черноридца Храбра – ценнейшем источнике сведений по данной проблематике, текст самого «Сказания о письменах» в переводе Л.Б.Карпенко по Усовскому списку XVII в., который впервые получает доступ к широкому читателю, основную библиографию по вопросам истории славянской письменности.

Предназначено студентам-заочникам, изучающим курсы введения в славянскую филологию и истории славянской письменности, а также учителям, школьникам и всем, кого интересует проблема возникновения славянской письменности.

УДК 481
ББК 81.2-8

© Карпенко Л.Б., 2009
© Самарский государственный
университет, 2009
© Оформление. Издательство
«Самарский университет», 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Славянские первоучители – святые Константин-Кирилл и Мефодий.....	6
«Пространное житие Константина-Кирилла Философа» как источник изучения религиозно-философских взглядов славянского первоучителя	21
О библейской символической основе первой славянской азбуки.....	28
«Сказание о письменах» Черноризца Храбра и проблема происхождения славянской письменности.....	32
Текст «Сказания о письменах» Черноризца Храбра в переводе с Усовского списка.....	39
Апостольская миссия Кирилла и Мефодия и ее значение для славянской культуры.....	42
Библиографический список.....	54

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2008 году отмечалось 1145-летие начала просветительской миссии Константина-Кирилла Философа и Мефодия в славянских землях. И в России, и на родине славянских первоучителей в Греции, и на земле Чехии, где проходила их миссия, и в Болгарии, где их дело продолжили ученики, и во многих других странах 24 мая, в день памяти равноапостольных святых Константина-Кирилла и Мефодия, проходят научные конференции, торжественные литургии, фестивали. В 2004 году центром государственного Всероссийского праздника славянской письменности была Самара. Кульминацией праздника стало открытие в Самаре памятника равноапостольным святым и проведение международной конференции, посвященной истории и современному состоянию славянской культуры. Таким образом, и наш город стал одним из центров чествования славянских первоучителей.

Что же известно о возникновении славянской письменности и ее создателях? На какие источники опираются исследователи кирилло-мефодиевской проблематики?

Вниманию читателя предлагается ряд очерков, в которых изложены сведения о жизни и деятельности славянских первоучителей, позиции современной науки по азбучной проблеме, показаны основные источники изучения истории славянской письменности. Необходимость популяризации данных сведений обусловлена отсутствием доступной научной литературы, в то время как в широкой печати по этим вопросам довольно часто высказываются неспециалисты. Тем самым не только фальсифицируется хронология развития письма, но и ставятся под сомнение заслуги Константина-Кирилла и Мефодия. Нередко подменяется и предмет рассмотрения. Говоря об исторически первоначальном алфавите, некоторые авторы отсылают к начертаниям кириллицы, не учитывая того, что первым славянским алфавитом была не кириллица, ставшая основой современного русского письма, а глаголица, давно вышедшая из употребления и поэтому

неизвестная широкому читателю. Именно глаголица и была создана в IX веке Константином-Кириллом в связи с установлением христианской церковной традиции у славян. К выводам об авторстве Кирилла в создании славянского письма и первичности, старшинстве глаголицы приходят ведущие ученые, исследуя исторические источники «Сказания о письменах Черноризца Храбра», «Пространные жития» святых равноапостольных Константина-Кирилла Философа и Мефодия (так называемые «Паннонские легенды»), Краткие жития, «Пространное житие св. Климента», послания римских пап и др., а также сравнивая сами древнеславянские тексты, написанные глаголицей и кириллицей. Несмотря на то, что рукописи, относящиеся непосредственно к деятельности славянских первоучителей, утрачены, сохранившиеся памятники служат в совокупности достаточным основанием для восстановления исторических обстоятельств возникновения письма у славян.

СЛАВЯНСКИЕ ПЕРВОУЧИТЕЛИ – СВЯТЫЕ КОНСТАНТИН-КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ

Создателями славянской письменности, славянскими первоучителями, являются солунские братья Константин-Кирилл Философ и Мефодий, которые по поручению императора Византии Михаила III в 863 году перевели богослужебные книги с греческого на славянский язык и не позднее 864 года отправились во главе миссии в славянское княжество Великую Моравию с целью организации здесь славянской церкви. Братьев называют солунскими, имея в виду их происхождение из византийского города Фессалоники (славянское название этого города – Солунь). Это был второй по величине город Византийской империи (и сегодня это крупный порт на севере Греции), со значительно представленной славянской диаспорой. Сохранившиеся произведения Константина-Кирилла и Мефодия не содержат прямых свидетельств об их национальности. Многие авторы на основании того, что местом рождения Константина-Кирилла и Мефодия является Византия, а также учитывая христианские имена братьев, называют их греками, хотя вряд ли можно считать такое мнение обоснованным. Сами по себе эти факты не доказывают их греческого происхождения. Напротив, есть все основания полагать, что братья имели славянские корни, хотя бы наполовину. Византия в IX в. была многонациональным государством, где славяне занимали значительные территории, включая Пелопоннес и Малую Азию. В северной провинции ее проживали болгары, и по настоящее время здесь сохраняются болгарские говоры. Следует учитывать свидетельства Климента, ближайшего из учеников, который в написанном им «Кратком житии Кирилла», известном еще как «Успение Кириллово», сообщает, что по роду Кирилл был болгариним. Правда, так как это свидетельство отмечено в списке XV в., можно предполагать, что оно является более поздним включением в текст элементов народного предания. Но то, что предки братьев не были коренными жителями Византии, следует и из слов самого Константина в «Пространном житии», предположительно написанном Мефодием. Отвечая хазарам на вопрос, каких он корней и как его подобает встречать, Константин рассказывает, что дед его стоял при царе и пользовался великой честью, но славу эту отверг, за что был изгнан, и, *в чужую землю приидя, обнищал и здесь свой род продолжил* (выделено мной –Л.К.). Данная фраза косвенно

также указывает на болгарские корни братьев. Она свидетельствует, что Византия, где родились Константин и Мефодий, для их предков не была родной землей. По отношению к Византии соседним славянским государством, которым в IX в. руководил правитель, была Болгария, Известно также, что церковный календарь западных славян, на землях которых протекала миссионерская деятельность славянских первоучителей, сохранил их славянские имена – Церко и Страхота. Чешские гуситы отмечали день святых Кирилла и Мефодия как день святых Церко и Страхоты, при этом Страхотой они именовали епископа Мефодия. Имя Церко и в нынешнее время распространено у болгар. О происхождении братьев говорит также последовательное воспроизведение в кирилло-мефодиевских переводах особенностей именно болгарского диалекта. Строй старославянского языка, характеризующий его как язык классический, богатство выразительных возможностей, гармония, отличающая грамматические формы, структуру слова, – все говорит о безупречном владении его создателями славянской речью. Творцами такого совершенного книжного языка могли стать только литераторы, наделенные творческим, поэтическим отношением к славянскому слову, для которых оно было родным. Вспомним, наконец, главную цель жизни Константина-Кирилла и Мефодия – просвещение и объединение славян, проникнемся тем патриотическим всеславянским пафосом, наполняющим их произведения, – и отпадут последние сомнения в славянских корнях братьев. Ведь об этом говорит и их материнский язык, и культура, которой они всецело себя посвятили.

О жизни братьев «Пространные жития» и некоторые другие источники в совокупности рассказывают следующее. Константин и Мефодий происходили из семьи военачальника Льва, который служил в Солуни в чине друнгария (друнгарий – средний воинский ранг в провинциальных войсках). Согласно житийному канону, семья была доброго рода, благочестивой и многодетной. Мефодий был старшим из сыновей, он родился предположительно в 815 году, а умер в 885 году. Установлено, что Мефодий – монашеское имя старшего брата, а его светское имя не известно. Почти ничего не сообщают источники и о том, каким было образование Мефодия. В его «Пространном житии» лишь сказано, что он «в книгах прилежа», т.е. был усерден в учении. Он служил около десяти лет воеводой в славянской провинции Византии, но, оставив карьеру военного, ушел на гору Олимп в монастырь Полихрон, где занимался изучением священных

книг. В дальнейшем он станет помощником Константина в осуществлении переводов Библии на славянский язык, в организации в Моравии славянской церкви и школы, в подготовке учеников.

Главная роль в деле создания славянской письменности принадлежит младшему брату – Константину-Кириллу, называемому Философом. Основные факты его биографии известны из «Пространного жития», источником для которого послужили подлинные тексты, фрагменты дневниковых записей Константина-Кирилла, а также воспоминания старшего брата Мефодия. Текст «Пространного жития Константина-Кирилла» содержит много подробностей биографии, сведений о детских и юношеских годах славянского первоучителя. Они позволяют предполагать, что автором «Пространных житий Константина-Кирилла» был Мефодий, переживший младшего брата на шестнадцать лет. Сведения «Житий» подтверждаются и другими текстами, в том числе реальными историческими документами – посланиями римских пап, письмами библиотекаря папской библиотеки Анастасия, упоминаниями современников. Опираясь на все известные источники, можно воссоздать канву жизни славянского первоучителя, обстоятельства возникновения и начального этапа развития славянской письменности.

Константин был последним (седьмым по счету) ребенком в семье Льва, он родился в 827 году, а умер в 869 году. Константин – это светское имя первоучителя. Кириллом он был наречен при пострижении в монахи, которое состоялось перед смертью. Константин-Кирилл прожил недолгую, всего 42 года, но исключительно плодотворную земную жизнь. Уже в младенческом возрасте он обратил на себя внимание. В «Пространном житии» особая одаренность Константина передается в символических формах: факты его биографии толкуются как знамения. Так, в частности, повествуется, что, будучи младенцем, Константин не брал грудь кормилицы, а питался только молоком родной матери. В житийном тексте это служит указанием на особое предназначение Константина: служение народу своей матери, т.е. славянскому народу. «Пространное житие» содержит описание еще одного раннего предзнаменования. Когда Константину было семь лет, он видел сон, в котором воевода предложил ему выбрать невесту из девушек города, и он выбрал красивейшую, по имени София. Родители поняли, что спутницей в его жизни будет Премудрость. Константина отдали в обучение, и в этом он превосходил всех своих сверстников, выделяясь замечательной памятью и силой ума. Когда ему было 14 лет, семья осиротела –

умер отец, но судьба хранила талантливого юношу. В это время в Византии взошел на престол малолетний царь Михаил III. И Константин, о выдающихся способностях и знаниях которого стало известно при дворе, был приглашен в столицу Византии город Константинополь, чтобы помогать царевичу в учении. Здесь, при дворе, Константин сам совершенствовался во всех греческих искусствах и науках. Во дворце Магнавра, в прославленной Магнаурской школе он в три месяца освоил полный курс эллинских учений по программе университета. Агиограф восторженно описывает успехи Константина: «И в три месяца овладел всей грамматикой и за иные взялся науки. Изучил и Гомера, и геометрию, и у Льва, и у Фотия диалектике, и всем философским учениям, а сверх того и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским учениям. И так изучил их все, как не изучил никто». Константин получил превосходное образование у выдающихся византийских ученых того времени – Льва Математика, возглавлявшего константинопольский университет, и Фотия – богослова, писателя, впоследствии ставшего константинопольским патриархом. Особенно много он занимался изучением древних языков. Автор «Пространного жития» пишет, что «скорость учения в нем с прилежанием слилась, помогая одна другой, чем и совершенствуются науки и искусства». Когда логофет (наставник царевича) оценил незаурядные способности и старание Константина, то позволил ему «безбоязненно входить в царские палаты». Таким образом, перед будущим создателем славянской письменности в буквальном смысле были открыты все двери. Он мог бы стать и стратигом – высшим главнокомандующим Византии, и крупным сановником, мог бы взять в жены дочь первого придворного министра. Но Константина не привлекала светская жизнь. Он не думал о карьере, славе, богатстве, а посвятил себя знаниям. Уже в молодые годы он заслужил титул философа – факт неординарный, так как титул этот в те далекие времена присуждался за особые заслуги в науке мудрости и обычно – многоопытным старцам. Недолго проработав хранителем патриаршей библиотеки при кафедральном соборе святой Софии в Константинополе, он удалился тайно в один из монастырей, где продолжал изучать Библию, языки, древние тексты. Его долго разыскивали посланники Михаила III и, найдя, едва упростили вернуться в Константинополь и принять сан учителя философии.

Царь нуждался в его помощи всякий раз, когда предстояло серьезное дело, когда решались интересы Византии, интересы ее Церкви. Никто так, как

он, не владел мастерством публичных выступлений, никто не мог устоять перед ним в прениях на диспутах, не мог сравниться с ним в толкованиях текстов Библии, которую он знал практически наизусть. Диспуты – это настоящие состязания в эрудиции, остроумии, ораторском искусстве, проверка на глубину знаний, умение четко и доказательно выразить мысль. Примером блестящего выступления на диспуте с иконоборцами (противниками почитания икон) является следующий фрагмент «Пространного жития»:

«Некогда Анний патриарх воздвиг ересь, чтобы не оказывали чести иконам. Цесарь же, подготовив Философа, послал к нему, сказав так: «Если сможешь юношу этого переспорить, то снова престол свой получишь».

И сказал старец: «Как это мы поклоняемся кресту и без надписи на нем, а вы, если на иконе не написано имени того, кто изображен, то не оказываете ей чести?»

Философ же ответил: «Всякий крест образом своим подобен Христову кресту, а все иконы не имеют единого образа».

И снова сказал старец: «Если Бог сказал Моисею: не сотвори всякого подобия, то почему же вы делаете иконы и поклоняетесь им?»

Философ ответил: «Если бы сказал: не сотвори никакого подобия, то был бы ты прав, но Он сказал не «всякого», то есть лишь достойное».

Против же этого ничего не мог возразить старец и замолк посрамленный».

В тексте «Пространного жития» Константин предстает как человек, которому открыта Истина. Он тонко чувствует слово Библии и цитатами из нее умело аргументирует свою мысль. Страстный приверженец и проповедник христианства, Константин был последователем и почитателем раннехристианских философов, отцов Восточной церкви, прекрасно знал их сочинения и использовал в полемических спорах, в миссионерской проповеднической деятельности. Он воспринял глубину и богатство и византийской, и эллинской культуры и смог стать эталоном образованности для своего времени. Таким его вспоминают современники. Анастасий Библиотекарь, хранитель папской библиотеки в Риме, был лично знаком со славянским первоучителем и с его произведениями. В письме епископу Гаудериху Веллетрийскому он называет Константина «премудрым мужем», «мужем жизни апостольской», «поистине дивным философом», «блистательно владеющим красноречием». Язык поэтических сочинений Константина называет «напевом гармонии», перевести звучание которого на латинский он чувствует себя бессильным. Приведенные оценки показывают

нескрываемое восхищение Анастасия Библиотекаря и признание им редко-го филологического дарования у Константина-Кирилла. Не удивительно, что и сегодня язык древнеславянских текстов, восходящих к творчеству Константина-Кирилла, покоряет нас, как покорял он его современников, безупречной гармонией грамматической и стилистической организации, системой тонко отработанных образных средств.

Михаил III и патриарх Константинопольской церкви Фотий поручают Константину ответственные поездки в соседние страны с целью изложения основ христианской религии и приобщения их народов к христианству. И он всякий раз отвечал: «С радостью иду ради веры христианской». Миссия в славянские земли не была единственной, ей предшествовали поездки с целью проповеднической деятельности и в другие страны – в Арабский халифат и Хазарский каганат. К миссиям он долго и старательно готовился: изучал прошлое, культуру и языки тех народов, в земли которых он отправлялся. Первая его поездка состоялась около 850–851 гг. (Константину 24 года) в земли арабов, называемых в «Житии» сарацинами, по течению реки Ефрат. Здесь ему предстояло отстаивать догмат святой Троицы. На спор сарацины созвали мудрецов, искушенных в геометрии, астрономии. Константин ответил на все их вопросы и показал свое превосходство в знаниях и красоту христианского учения. Озлобившись, сарацины подсыпали ему яд в чашу. Это был, вероятно, не единственный случай, когда противники православия пытались физически уничтожить Константина. На этот раз молодой организм выдержал, и Константин возвратился в Византию. Пробыв некоторое время в столице, Константин отправился в монастырь Полихрон на гору Олимп к брату Мефодию.

Спустя некоторое время царь вновь призвал Константина, чтобы поручить ему миссионерскую поездку в Хазарию. И в этой поездке, куда он отправился в 857 году вместе с Мефодием, Константин показал себя настоящим ученым. Здесь он изучал самаритянский и древнееврейский языки, перевел грамматику древнееврейского языка и читал Библию в малоизвестном древнееврейском переводе Аквилы, чтобы успешнее состязаться в диспутах с иудеями.

Все эти обширные знания создают Константину славу мудреца, его встречают с почтением и арабы, и хазары, и иудеи. Константин был не только проповедником и учителем, он еще обладал и пророческим даром. По его пророческому предсказанию и произошло открытие в Херсонесе гробницы с мо-

щами третьего по счету римского папы Климента, казненного преследователями христианства в начале II в. Это было настоящим чудом, ведь в течение восьми столетий местонахождение гробницы св. Климента оставалось неизвестным. Установив по древним манускриптам место захоронения римского великомученика, погибшего от рук преследователей христианства, Константин во время морского отлива указал место нахождения гробницы, организовал археологические раскопки и нашел мощи св. Климента. Приготовления Константина к разысканию гробницы, засвидетельствованные в исторических источниках, сравнимы с деятельностью лучших археологов современности. Благодаря именно этой заслуге – находке гробницы св. Климента – даже католический мир чувствует сегодня славянского первоучителя. Находка эта сыграла большую роль в ходе следующей – моравской – миссии: в трудный момент, когда Константину была необходима поддержка Рима, он вызвал расположение к создателям славянской Церкви тем, что доставил Римскому папе Андриану II мощи великомученика Климента.

Поездка Константина-Кирилла Философа в славянские земли состоялась не позднее 864 года и была последней в ряду миссий, осуществленных им по поручению императора Византии Михаила III и константинопольского патриарха Фотия. Предшествовало этой поездке появление в 863 году у Михаила III послов от Ростислава, князя обширного западнославянского княжества Великой Моравии. Ростислав обращался к Михаилу III с просьбой прислать в Моравию учителей для славян, способных обучать моравских священников богослужению на славянском языке. В своем письме к Михаилу III он писал: «Хотя народ наш от язычества отказался и принял закон христианский, нет у нас такого учителя, который на своем языке объяснил бы святую христианскую веру, чтобы и иные земли уподобились нам. Пошли же нам, владыка, епископа и учителя такого, ведь от вас на все страны всегда исходит добрый закон».

Княжество Моравия, откуда прибыло посольство в Византию, упоминается в исторических документах с 822 года. Вначале это была небольшая область по течению реки Моравы, северного притока Дуная. На протяжении IX в. княжество разрасталось, охватывая соседние западнославянские земли (ныне на землях Моравии располагается ряд славянских государств, в том числе Чехия, Словакия, Польша). С начала IX века эти земли служили объектом миссионерской деятельности каролингского духовенства, которое поддерживалось римской церковью. В 831 году баварский епископ

Пассау официально крестил моравян, после чего была создана на территории Моравии подчиненная ему церковная организация. Однако с середины 50-х годов начался затяжной конфликт между Баварией и Моравией, и в этих условиях моравского князя беспокоила все более усиливающаяся германизация княжества. Стремясь к независимости от баварских феодалов, от латинской и немецкой церкви, князь Ростислав обратился за поддержкой к Византии. Он знал, что Константинопольская патриархия, в отличие от Римской церкви, разрешала вновь приобщенным к христианству народам богослужение на родном языке, открывая тем самым путь для их культурного самоопределения.

Почему византийская власть пошла навстречу Ростиславу? Здесь необходимо учесть интересы Византии в IX веке. Принятие византийским правителем решения об отправке миссии в Моравию и последовавшая деятельность по разработке славянской письменности осуществлялись в условиях политического противоборства государства и церкви в IX в. со своими соперниками: на западе – с Каролингской империей и Римской церковью, на севере – с набиравшим силу Болгарским царством. Византия искала союзников в лице молодых славянских государств, стремилась вовлечь их в орбиту своего влияния. Ослабленная в предшествующие два столетия военными походами славян, в середине IX века Византия оставила политику давления и стремилась к достижению своих целей путем христианизации славян и приобщения их к Константинопольской патриархии. Этим объясняются шаги навстречу славянским народам в организации богослужения на их родном языке. Византия стремилась не к военному, а к культурному завоеванию славянского мира. Тем более, что ее интересы в отношении славянских государств пересекались с интересами Рима: назревал конфликт между Константинополем и Римом из-за разграничения сфер влияния. По образному выражению историка Ф.И. Успенского, славянам во второй половине IX в. предстояло сыграть роль наковальни в разыгравшейся войне между двумя империями.

Византийский император после просьбы Ростислава сразу же принял решение направить миссию в Моравию, преследуя свои цели: она расширяла сферы влияния Византии и ограничивала распространение Римской церкви. Михаил III поручил это задание Константину, как человеку родом из Солуни – «а все солуняне хорошо говорят по-славянски». Царь на соборе лично обратился к Константину с просьбой возглавить миссию к славя-

нам: «Подобает тебе идти туда, ибо дела этого никто иной совершить не сможет». Константин согласился отправиться в Моравию, но для организации богослужения нужны были переведенные на славянский язык книги Евангелия, Псалтыри. В то время развитой письменности, приспособленной для выражения религиозных текстов, у славян еще не было. Славяне, правда, по словам Черногорца Храбра, имели некоторый опыт использования латинских и греческих букв «без устроения» (т.е. без специальной адаптации под славянскую речь). Но эти приемы записи не могли обеспечить воспроизведения на славянском языке всего богатства текстов Священного Писания, поскольку и латинский, и греческий алфавиты не покрывают всего обилия и своеобразия звуков славянской речи. Создаваемая для славян книжная и устная традиция христианского религиозного обряда требовала создания особого алфавита, который должен был соответствовать одновременно фонетическому строю и славянского языка, и греческого, должен был отразить звучание всего славянского лексикона и нескольких тысяч греческих религиозно-философских терминов. Без их использования невозможным оказалось бы выражение всей полноты содержания библейского текста, всех содержащихся в нем религиозно-богословских понятий. Сложность предстоящих задач, связанных с переводом богослужебных текстов, с созданием алфавита, с разработкой славянского литературного языка, хорошо понимал Константин. Не случайна поэтому его фраза: «Кто может записать на воде речь, и кто захочет прослыть еретиком?». Константину удалось справиться с этими, казалось бы, неразрешимыми задачами. Вот как об этом сказано в древнеславянском тексте «Пространного жития Константина-Кирилла»: шѣ(д) же филосѡ(ѡ) . по прѣвомѹ обычаю . на матвѹ сѧ наложи . и съ инѣми съспосѣшники . въскорѣ же всѧ емѹ бгѣ лави . послѣша ѧ и матвы рабѣ свои(х) . И тог(д)а сложи писмена . и начѧ вѣсѣдѹ писати е҃(г)льскѹю . искони бѣ слово . и слово бѣ ѹ бга . и бгѣ бѣ слово . и прочѧа .

Из приведенного отрывка видно, что первой славянской книгой было Евангелие-апракос (служебное Евангелие), оно открывалось начальными словами Евангелия от Иоанна, которые читаются во время пасхальных служб.

Весьма показательно, что создание азбуки для славян передано в тексте «Пространного жития» как акт божественного откровения, как божественный дар, явленный Константину. Он единственный из всех,

прежде искавших буквы для славян и не обретших их, по словам правителя Византии Михаила III, мог создать письмо, обращаясь к Богу «с правдою, умом и без сомнения». Как отмечает академик В.Н.Топоров, «ситуация для славян складывалась на редкость удачно: алфавит был приспособлен для передачи букв именно славянского языка и только для него, и решена эта задача была на высоком лингвистическом уровне – славянская азбука оказалась эффективным инструментом фиксации славянской речи, сводящим к минимуму избыточность и неопределенность письменной передачи ее. Время создания славянской азбуки... определяет время начала славянской письменности». Подчеркну со своей стороны, что созданная Константином азбука – глаголица – заняла особое место в истории письма. Среди немногих известных миссионерских азбук, специально созданных для перевода богослужебных текстов, разработанная гениальным философом и филологом, она является единственной азбукой, синтезирующей свойства фонографии и идеографии и заключающей в своих начертаниях религиозно-философскую картину божественного Универсума.

Понимая значительность события для последующей истории европейской культуры, Михаил III обратился в письме к Ростиславу: «Бог...объявил буквы для языка вашего – то, чего не было дано (никому) после первых времен, чтобы и вы были причислены к великим народам. Прими же дар этот, что ценнее и больше всего серебра, и золота, и драгоценных камней, и всего преходящего богатства». С письмом к Ростиславу и с уже переведенными богослужебными книгами Константин и Мефодий в сопровождении учеников не позднее 864 года отправились в Моравию. В «Пространном житии Мефодия» сообщается, что вместе братья на этом этапе перевели Евангелие, Апостол и Псалтырь. Запечатленный в первых славянских книгах только что созданный литературный язык обладал всеми достоинствами классического языка – строгой системностью, выразительностью и отточенностью грамматических форм и богатством словаря. Работая над переводами, первоучители формировали лексический фонд славянского литературного языка: отбирали наиболее ценное из ресурсов славянской народной речи, создавали новые слова по моделям греческих слов (калькировали греческие религиозные термины) и включали в словарь необходимые греческие обозначения религиозных понятий. Так в процессе их переводческой

деятельности рождался первый книжно-письменный язык славян, который филологи называют теперь старославянским, или, по-другому, древнецерковнославянским. В дальнейшем все славянские литературные языки, в том числе и русский литературный язык, формировались под влиянием церковнославянского языка, наследуя его образные средства, лексику, словообразовательные модели. Сегодня мы и не замечаем, что такие знакомые слова, как Божество, Богородица, Воскресение, Вознесение, Рождество, Святой Дух, Троица, благодарность, благословение, добродетель, достоинство, единение, естество, исповедь, милосердие, младенец, отечество, праведность; первозданный, премудрость, равенство, рождение, совет, учение, учитель, человечество, – все эти и тысячи им подобных слов высокого духовного содержания на славянском языке были образованы, впервые произнесены и прописаны Константином-Кириллом.

В Моравии миссия во главе с Константином Философом была торжественно встречена князем Ростиславом. Был образован круг учеников из моравян, последовала напряженная работа по организации славянской церкви и богослужения на славянском языке, переписывались переведенные литургические книги. Однако деятельность братьев была встречена враждебно немецким духовенством. Они не желали уступить «поле действия» миссионерам из Византии, преследовали их, выступали против богослужения на славянском языке, отвергали славянское письмо и славянские книги, высказывали братьям обвинения в ереси. Такую же позицию заняло и латинское духовенство. Константин был вынужден отправиться в Рим, чтобы заручиться поддержкой Римского папы.

По дороге в Рим Константин сделал остановку в Венеции, где вступил в диспут с противниками славянской письменности. Обращаясь к триязычникам (так называли тех служителей церкви, кто считал, что славить Бога можно только на греческом, латинском и древнееврейском языках), Константин говорил словами Библии: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, не равно ли для всех сияет солнце, не равно ли мы все вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими? Скажите, зачем делаете Бога немощным, как если бы не мог всем дать своего письма, или завистливым, как если бы не хотел дать?.. Бог не есть Бог неустройства, но мира, а потому не запрещайте говорить языками». Константин одержал победу над триязычниками, продемонстрировал

рировал их лицемерие и фарисейство. Ссылаясь на Библию, он подчеркнул право каждого народа на свою письменную культуру.

Слава победы на диспуте опередила Константина, и он был встречен с великими почестями в Риме. Весь церковный клир во главе с Римским папой Андрианом II вышел встречать Константина перед воротами Рима. «Пространное житие Константина-Кирилла» сообщает: «Когда подошел он к Риму, встретил его сам апостолик Андриан, в окружении горожан со свечами, поскольку знал, что несет он с собою мощи св. Климента, мученика и папы Римского». Значительность ситуации, как видим, усиливалась тем обстоятельством, что Константин в дар Римскому папе доставил мощи Климента, найденные им при раскопках в Херсонесе. Эту торжественную сцену встречи Римским папой Андрианом II Константина-Кирилла у врат Рима запечатлели римские фрески IX в. на стенах базилики св. Климента.

За торжественной встречей последовало освещение славянских книг, рукоположение учеников Константина, чтение служб на славянском языке в главных храмах Рима. Но на этом светлая полоса жизни Константина и Мефодия во время их пребывания в Риме закончилась. Последовала тяжелая болезнь Константина, доставившая ему много страданий. За пятьдесят дней до своей кончины он облачился в святой иноческий образ и принял иноческое имя Кирилл. Перед смертью Кирилл обратился к старшему брату: «Мы были с тобой в одной упряжке и возделывали одну борозду. Вот я на поле падаю, окончив свой день. Ты же, знаю, очень возлюбил горы (где находился монастырь Полихрон, иночество). Но не оставляй ради горы нашего учительства». Скончался Константин 14 февраля 869 года в Риме и здесь же был похоронен в базилике св. Климента по траурному ритуалу, соответствующему сану римского папы.

Мефодий продолжил начатое совместное дело, но после кончины Константина-Кирилла отношение Рима к идее распространения славянского богослужения и славянской письменности резко изменилось. Вернувшийся в Моравию Мефодий и его ученики продолжали преследоваться немецким духовенством и феодалами. Ситуация еще более ухудшилась после смены власти в Моравии. Племянник Ростислава Святополк, которому были чужды патриотические чувства, окружив себя сторонниками из немецких феодалов и немецкого духовенства, организовал в стране переворот, в результате которого Ростислав был

пленен и ослеплен. Для Мефодия и его учеников пребывание в княжестве становилось все более опасным. В 870 году Святополк признал себя вассалом франкского короля и отдал земли Моравии в руки немецких феодалов. Мефодий был схвачен и заточен в баварской церковной тюрьме в Регенсбурге, где содержался в течение двух с половиной лет в жесточайших условиях (под дождем и снегом в келье без крыши). Во время заточения Мефодия его ученики подвергались преследованиям и уничтожались.

Освободиться из заточения Мефодию помог его епископский сан. Понимая важность начатого апостольского дела, последние годы жизни он посвятил завершению перевода Библии на славянский язык. Согласно «Пространному житию Мефодия», был переведен весь корпус ветхозаветных книг, кроме книги Маккавеев, однако эти переводы не сохранились. Мефодий скончался 3 апреля 885 года, был похоронен в кафедральном храме, однако точное место его захоронения до сих пор не установлено.

После смерти Мефодия славянская церковь в Моравии довольно быстро была уничтожена распоряжениями пап и действиями баварского духовенства. Согласно «Пространному житию Климента», последователя славянских первоучителей, архиепископ Мефодий после своей смерти оставил 200 учеников. Всем им пришлось перенести суровые испытания. Немецкие епископы выступили против них с оружием, пытали, грабили их жилища, чинили физическую расправу над старшими священниками, молодых дьяконов продавали в рабство. Преемник Мефодия Горазд был сразу же отстранен от управления церковью. Римский папа Стефан V (885-891) в инструкции к группе римских священников писал: «Наследнику, которого Мефодий дерзнул поставить, нашей апостольской властью запретите отправление службы». Горазда, Наума, Ангелария и других, кто имел учительский сан, заковали в цепи, истязали в тюрьме, а после пыток передали наемным солдатам-франкам, приказав изгнать за пределы Моравии. Их раздели донага, тащили волоком по дороге, мечами и копьями ударяя по плечам и бедрам, после чего они были брошены в поле за городом.

Те из учеников, кто смог уцелеть, спустя год после смерти Мефодия, постепенно перебрались в Болгарию и здесь продолжили дело первоучителей. Болгария была уже крещена и имела независимую церковь. Правитель Болгарии князь Борис принял учеников и создал благоприятные условия

для их деятельности. Так начался новый, болгарский, период в развитии кирилло-мефодиевской традиции. На рубеже IX – X веков Болгария превратилась в главный центр развития славянской книжности. Созданная Константином-Кириллом и Мефодием письменность явилась важнейшим условием, обеспечившим расцвет древнеболгарской культуры. Эпоху, связанную с правлением сына Бориса и его преемника Симеона (893-927), называют «золотым веком старославянской письменности». В это время в Болгарии были организованы книжные центры в Преславе и Охриде. В них велась интенсивная работа по созданию новых переводов и оригинальных произведений на славянском языке. Возглавили эти центры ученики и последователи великих солунских братьев.

Книжную школу в Охриде возглавил Климент, ближайший из учеников братьев. Климент стал архиепископом Болгарии и известен как составитель кириллицы. Климент Охридский создал также более сорока поучительных и похвальных произведений для всех церковных праздников, в том числе «Похвальное слово Кириллу и Мефодию». Он автор «Пространного жития Мефодия» и «Краткого жития Кирилла». Умер Климент в 916 году. Ныне крупнейший университет Болгарии в Софии называется его именем.

В Преславе, столице Первого Болгарского царства, руководил литературной школой один из младших учеников Мефодия по имени Константин Преславский. Он известен как один из первых славянских поэтов, автор стихирей на Рождество Христово и Богоявление, написанных в жанре акростиha, а также большого гимнографического сочинения, включающего около 440 тропарей.

Кроме Климента Охридского и Константина Преславского, древнеболгарская литература этого периода представлена именами Иоанна Экзарха Болгарского, Черноризца Храбра и других писателей. Перу Иоанна Экзарха принадлежит Шестоднев – творческое переложение развернутого комментария Василия Великого на первые главы Библии, повествующие о сотворении мира, переводы сочинений Иоанна Дамаскина и др. Черноризец Храбр – древнеболгарский книжник конца IX в., автор первого научного трактата о происхождении письменности у славян, свидетель миссии Константина-Кирилла.

С начала XI века, когда Болгария попала сначала под византийское иго (1018-1185), а потом в течение пяти столетий находилась под турецким игом (1396-1878), центром и хранильницей славянской письменности становится Русь. Славянские книги и в предшествующее столетие попадали на земли вос-

точных славян, а после официального крещения в 988 году кирилло-мефодиевское наследие получило здесь самое широкое распространение. Оно сыграло решающую роль в развитии древнерусского литературного языка. С принятием его в начале XI века Русь получает значительный корпус рукописей на близком славянском языке, созданных в Болгарии деятелями «золотого века». Многие оригинальные произведения древнеболгарских авторов сохранились до наших дней лишь в русских списках.. Древнерусские книжники не только переписывали болгарские рукописи, но создавали и новые тексты. Этому всемерно способствовали русские князья. В древнейшем летописном своде Руси «Повести временных лет» говорится: «Володимер землю взора и умягчи, рекше крещеньем просветив. Съ же (Ярослав) насея книжными словесы сердца верных людий, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Велика бо бывает польза от учения книжного». В летописной записи 1037 года говорится, что князь Ярослав собрал много писцов, которые переводили с греческого на славянский язык. На Руси была известна и созданная Кириллом азбука глаголица, но основой древнерусской письменности стала кириллица, которая к моменту крещения Руси уже отвоевала позиции основной системы письма у славян. Глаголица же сохранялась в монастырях как славянское священное письмо. Не только азбука и первые переводы, но воцерковленный язык, древнеславянская литература, литургия, славянская православная церковь и учительская традиция – все, без чего немислимо дальнейшее развитие славянской культуры во всех ее направлениях, связано с именами славянских первоапостолов.

Вопросы для обсуждения

1. Что известно о происхождении славянских первоучителей Константина-Кирилла Философа и Мефодия?
2. Что предопределило миссионерский характер деятельности Константина-Кирилла и Мефодия?
3. Что можно сказать об исторических обстоятельствах возникновения славянской письменности?
4. В чем заключалось содержание апостольской миссии первоучителей в славянские земли?
5. Как исторически сложилась судьба кирилло-мефодиевского дела в славянских землях?

«ПРОСТРАННОЕ ЖИТИЕ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА ФИЛОСОФА» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО- ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ СЛАВЯНСКОГО ПЕРВОУЧИТЕЛЯ

Представляя сложный объект для изучения, содержание религиозно-философских взглядов Константина-Кирилла начинает специально исследоваться лишь с середины XX столетия, раньше всего в трудах русских, болгарских и словенских философов. В настоящее время литература по кирилло-мефодиевской проблематике огромна, она насчитывает несколько тысяч публикаций. Имеются и специальные исследования, посвященные изучению религиозно-философских представлений славянского первоучителя,

Ученых интересует соотношение религиозного и философского во взглядах Кирилла, то, какое именно содержание преобладает в мировоззрении славянского первоапостола – религиозное, богословское или философское общенаучное. Одни исследователи относят основы мировоззрения Константина-Кирилла к разряду религиозных, богословских. По мнению других, богословие включалось в его философские знания, но не исчерпывало их содержания. Третьи рассматривают их в контексте филологических концепций Средневековья. Некоторые авторы не считают необходимым разграничивать эти пласты знания в творчестве Константина-Кирилла. С точки зрения современной науки правомернее говорить о том, что философские познания и изыскания Кирилла включены в его богословскую проповедническую деятельность и определяются ей. О том, что мировоззрение Константина-Кирилла было в своей основе глубоко религиозным, неопровержимо свидетельствует весь жизненный и творческий путь славянского первоучителя, отраженный в разнообразных исторических материалах: жизнеописаниях, подробно воссоздающих содержание речей Кирилла; в упоминаниях и оценках современников, в результатах его филологической деятельности – сочиненных им молитвах, гимнах, в «Написаниях о правой вере» и в не меньшей степени в созданных им символах первой славянской азбуки.

Целый ряд источников позволяет очертить религиозно-философские взгляды Кирилла. В их числе как прямые источники, приписываемые самому Кириллу («Написание о правой вере», «Херсонская легенда», «Гимн на обретение мощей Св. Климента»), так и источники, представляющие собой произведения других авторов, в которых нашли отражение его идеи.

Наибольший интерес в связи с рассматриваемым вопросом представляют так называемые «Паннонские легенды» – «Пространное житие Константина-Кирилла Философа» и «Пространное житие Мефодия». Впервые получив известность в середине XIX века благодаря исследованию А.В. Горского (1843 г.) и изданию П. Шафарика (1851 г.), «Паннонские легенды» на протяжении последующих полутора столетий подробно изучались в нескольких направлениях: разыскивались списки памятников, тщательно исследовалась структура текста, определялась достоверность содержащихся в тексте фактов. В настоящее время известны 48 списков «Пространного жития Константина-Кирилла», дошедшие от XV – начала XVIII века. Установлено, что основные биографические факты о жизни Константина-Кирилла Философа, как они обрисованы в «Пространном житии», подтверждаются и дополняются другими произведениями, в том числе и реальными историческими документами.

По вопросу о времени и месте написания «Пространного жития Константина-Кирилла» высказывалось несколько точек зрения. А.В. Горский, исследовавший памятник первым, считал, что он был написан в IX веке в западнославянских землях, А. Воронов высказывал предположение, что родиной жития была Болгария X века. В. Киселков полагал, что Жития были написаны в период Второго Болгарского царства. Наиболее обоснованной считается версия, согласно которой Житие Константина-Кирилла было составлено в Моравии вскоре после его смерти Мефодием.

По поводу надежности Житий для изучения кирилло-мефодиевской проблематики ученые высказываются с некоторой осторожностью. Жития относятся к той характерной для средневековья литературе, где исторические факты тесно переплетены с фактами легендарными, где нить повествования во многом зависит от требований канона жизнеописания святого. Такая зависимость, наблюдающаяся в сочинениях агиографического жанра, приводит к некоторым искажениям фактов. Кроме того, для житий характерна определенная их направленность, так как они создавались в непростой исторической обстановке, в условиях острой политической и идеологической борьбы между Византией и Римом. Тем не менее именно жития предстают перед читателем как наиболее содержательный источник, из которого можно получить представление о мировосприятии, мировидении славянского первоапостола. Кропотливые разыскания привели ученых к выводу о том, что в числе источников, послуживших основой для житий,

были подлинные тексты Константина-Кирилла Философа, к которым относят изложение диспутов с иконоборцами, с хазарскими мудрецами, с триязычниками, сочиненные первоапостолом стихотворения, молитвы, а также другие отрывки, содержащие его высказывания и, возможно, представляющие фрагменты его дневниковых записей.

Мировоззрение Константина-Кирилла Философа, его религиозно-философские взгляды достаточно предметно и зримо воспринимаются читателем из текста «Пространного жития». Конкретные биографические факты, подтвержденные историческими источниками, подробные речи и диалоги Константина-Кирилла, отрывки из его поэтических и прозаических сочинений – все это создает полную и убедительную картину идейных взглядов и духовных интересов Константина-Кирилла Философа. Способствуют проникновению в нравственный мир славянского первоучителя также и подробные цитаты и выдержки из Библии и религиозно-богословских сочинений, включенные в тексты речей Константина-Кирилла. Они показывают глубину его религиозных переживаний, блестящее знание текстов Священного Писания, филологическую безупречность в их анализе. Речи Кирилла не просто навеяны библейскими темами и мотивами, они как бы выполнены по библейским образцам. Такова, например, молитва, написанная Константином перед дорогой в Царьград: *боже ѡтцѣ нашихъ и ги млвстиве . иже еси сътворилъ всачьскаа словомъ . и премдрѡстїю твоєю създавъ члка, да владѣеть сътвореными товою тварьми . даждь ми сущїю въскран твоих престолъ премдрѡсть да разумевъ что есть ѹгодно тебѣ и спсѹса .* [ЖК, 1986, 97]. Молитва составлена из 1, 2, 4, 5, 10, 19 стихов девятой главы Книги Премудрости Соломона.

В V главе «Пространного жития» речь Константина на диспуте с патриархом Аннием, идейным главой партии иконоборцев, содержит включения из сочинений Иоанна Дамаскина: *д бо части крстъ имѣеть . и аще єдина его часть ѹбѹдет . то ѹже своего образа не имѣеть... а икона ѡт лица образъ авлаеть...всакъ бо крстъ пвдвенъ образ имѣеть . хвѹ крстѹ . а иконы не имѣють все образа єдиног* [ЖК, 1986, 100]. Та же аргументация против иконоборцев развивается потом в X главе, где в споре с иудеями Философ цитирует высказывания Иоанна Дамаскина о символическом значении образа креста. В развитии спора с патриархом Аннием, при обсуждении вопроса, почему иконопочитатели при-

ветствуют созданию икон, Константин блестяще использует цитату из Библии, показывая при этом тонкое чувство слова: старецъ же речъ . боу рекшѣ къ мѡуѣсеви . не сотвориши всакого подобіа . како вы твораще кланаетеса . философъ же противѣ семѣ ѡтвѣща . аще вы реклаъ . не сотвориши никакого подобіа то право приши . но естъ реклаъ . не всакого . сирѣчь достойное [ЖК, 1986, 100]. Здесь Философом обыгрывается значение греческого слова παντός. В древнегреческом языке παντός имеет значение «всякий».

В IX, X, XI главах «Пространного житія» воспроизведены диспуты о вере, который вел Константин-Кирилл Философ в Хазарском каганате. Эти диспуты были в основном направлены против иудеев и иудейской веры. Основные темы диспутов – о правой вере, о законе и завете, о Троице, о богочеловеческой сущности Христа. Переводчик «Пространного житія» и составитель комментариев к тексту Б. Н. Флоря допускает, что в данном случае в основе текста лежит не запись реальных, состоявшихся диспутов, а написанное Константином-Кириллом Философом полемическое сочинение, направленное против иудейской веры. В любом случае подробно воспроизведенный текст, составленный Константином-Кириллом Философом, демонстрирует религиозные установки славянского первоучителя, те догматы православия, которых он придерживался и отстаивал в своей проповеднической деятельности, на которых он концентрировал свое внимание, обоснование которым искал в Библии и творениях святых отцов. Так, отстаивая догмат православной церкви и Святой Троице, Константин-Кирилл Философ ссылается на пророка Исайю:

Ісаіа во рече . слѣшан мене . іакѡже іаіа . его же азъ зовѣ . азъ есмь пръвыи . азъ есмь въ вѣкы . азъ есмь и ннѣ . гь посла ма и дхъ его [ЖК, 1986, 108].

Обсуждая богочеловеческую природу Христа и отвечая на вопрос иудеев о том, «как может вместить Бога в утробу свою женщина», Философ ссылается на перевод Аквилы, еврейского ученого, который во II в. н.э. осуществил новый, дословный, перевод Ветхого Завета на греческий язык. Именно этому переводу иудеи отдавали свое предпочтение перед Септуагинтой в спорах с христианами. В тексте «Пространного житія» перевод Аквилы передан следующим образом:

и како моуѣси реч дхомъ стымъ въ своен млтвѣ . рѣцѣ распротеръ . въ громѣ каменнѣ . и въ гласѣ трѣвнѣмъ . не лавлаи ны са к томѣ ги не не лавлаи ны са к томѣ ги щедрыи . но въселнса въ нашу оутробѣ . штимъ наша грѣхы . акѣла бо тако глетъ [ЖК, 1986, 109]. Здесь Философ цитирует стих девятый 34-ой главы книги Исход.

Итак, для понимания мировоззрения, мировидения Кирилла исключительное значение имеют «Пространные жития Константина-Кирилла» как наиболее ценный, богатый и достоверный по содержанию текст. Памятник изобилует подробностями о детских и юношеских годах славянского первоучителя, текстами его речей на диспутах: на диспуте с патриархом иконоборцем Иоанном VII, в котором Кирилл отстаивал принципы партии иконопочитателей; на диспуте с «магометанами» во время так называемой сарацинской миссии, с иудеями во время хазарской миссии. Автор жития указывает, что Кирилл сам записал беседы у хазар, очевидно, он был свидетелем описываемых событий. Эти подробности позволяют исследователям считать автором «Пространных житий» старшего брата Константина-Кирилла Мефодия.

Кроме того, источниками, способствующими изучению философского наследия Кирилла, являются «Сказание Черноридца Храбра о письменах», «Пространное житие Климента Охридского», письма Анастасия Библиотекаря и другие исторические памятники. Эти источники определенно указывают на глубоко религиозный характер мировоззрения Кирилла. Они свидетельствуют о том, что славянский первоучитель был не просто верующим человеком, но проповедником и страстным защитником православия, служению которому посвятил всю свою не продолжительную жизнь.

Весьма показательна в этом отношении та формулировка, в которой Кирилл определил содержание философии, как она запечатлена в «Пространном житии»:

Въпроси его еднѣною гла . философе хотѣлъ бы въдѣти . что есть философа . онъ же хытры ѹмомъ ре тогда вжѣмъ и ччамъ вещьмъ разоумъ елико може . приближитса всѣ . ако дѣтелю ѹчить члка по вбразѣ и по подобю быти сътворшемъ его [ЖК, 1986, 48].

И спросил его [логофет] однажды, говоря: “Философ, хотел бы я узнать, что есть философия?” Он же своим искусным умом сказал тогда: “Знание

вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к богу, который учит человека делами (своими) быть по образу и по подобию сотворившего его [ЖК, 1986, 98]. Философия, по определению Константина, это такое знание жизни, которое учит человека стремиться быть подобным сотворившему его Творцу, восстановить совершенство, которое было утрачено человеком при грехопадении. Данное Константином определение отличается от известных в его время определений философии установкой на активную устремленность человека к Богу, его целенаправленную добродетельность. В этом определении нашло выражение то понимание философии, которое, по справедливому утверждению В.В. Бычкова, «вырабатывалось византийской философской мыслью на основании античных и христианских традиций. Античной сугубо умозрительной (созерцательной) философии («знание вещей божественных и человеческих») первые христианские философы противопоставили философию «практическую», философию реального «дела» совершенствования и спасения человека на путях религиозной практики...». Если другие проповедники христианства призывали к пассивному созерцанию Божественного, Кирилл образом своей жизни и идейно отстаивал принцип активного проявления воли человека, утверждение добра, праведности и просвещения, о чем свидетельствует и приведенное здесь определение философии, и предсмертная молитва, и заповеди, заложенные в именах букв: **Глаголи добро ксть; Людие мыслите; Нашь онъ покон; Рьци слово тврѣдо.**

Изучение текста «Пространного жития», других прямых и косвенных источников, отражающих творчество Кирилла, позволяет определить философские школы и конкретные имена, которые могли оказать влияние на формирование мировоззрения славянского первоучителя. Конечно, реконструкции такого рода будут весьма приблизительными и схематичными. Иначе и быть не может. Отдаленные расстоянием в одиннадцать с половиной веков, в чем-то утратившие навсегда в силу перипетий истории преемственные связи с питавшей Константина-Кирилла Философа византийской культурой (во всем содержательном многообразии ее истоков), с богатейшей традицией ее образовательной системы, науки, искусства, мы не можем сегодня знать наверняка весь круг источников, сказавшихся на формировании мировоззрения славянского первоучителя. Но главные имена его предтеч бесспорны. Это философы патристического направления – отцы Византийской церкви – и в частности каппадокийский философский

кружок, сложившийся во второй половине IV века и получивший название от наименования малоазийской земли Каппадокии, представителями которого были св. Василий Великий, св. Григорий Нисский и особо почитаемый Кириллом философ раннего христианства – св. Григорий Богослов. В сочинениях Кирилла в символике его азбуки мы узнаем то понимание Божественного, Истины, Знания, которое отражено в трудах предшествовавших ему отцов византийской Церкви. Эпоха раннего средневековья, в которую происходило формирование мировоззрения Константина-Кирилла, была, по выражению Флоровского, временем, когда в Церковь проникают элементы интеллектуальной духовности, античного знания, воспринятого христианством и преобразованного, интеллектуального созерцания. Это время характеризуется обилием святоотеческих сочинений, раскрывающих основы христианского миропонимания. Среди них наибольшее влияние имели творения религиозных философов каппадокийского философского кружка – святых Василия Великого, Григория Нисского, Григория Богослова, именуемых в традиции Православной церкви вселенскими учителями.

Вопросы для обсуждения

1. Какие существуют источники изучения религиозно-философских взглядов Константина-Кирилла Философа?
2. Что известно о происхождении «Пространного жития Кирилла»?
3. Что дает для понимания мировидения Константина-Кирилла «Пространное житие Кирилла»?

О БИБЛЕЙСКОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ПЕРВОЙ СЛАВЯНСКОЙ АЗБУКИ

С момента появления славянской азбуки, созданной Константином-Кириллом и ведет свой отсчет история славянской письменности. Таким образом, письмо у славян следует считать сравнительно молодым. Появление его относится к середине IX в., распространение на территории Болгарии – к концу IX в., а широкое распространение на территории Руси начинается с XI в. К этому времени человечеством был уже накоплен значительный опыт развития письменности: около пяти тысячелетий существовало египетское письмо, более полутора тысячелетий – финикийское, несколько меньше – древнеарамейское, увековечившее Ветхий Завет, в VI в. уже сложилось арабское письмо. Славяне еще не имели письма, а пользовались, по словам древнеболгарского писателя Черноризца Храбра, жившего на рубеже IX и X вв., «рѣѣтами и рѣѣзми». Крестившись, делали записи римскими и греческими буквами «без устройства». Использование «чужого» алфавита создавало неудобства, так как в греческом и латинском письме не было букв для передачи специфических славянских звуков, присутствующих во многих славянских словах, в том числе и в словах, очень важных для осуществления религиозных предписаний: **богъ, цркъвь, ѡзыкъ...** Такими звуками являются аффрикаты [ц] и [ч], фрикативный шипящий звук [ш], носовые гласные, редуцированные, звук [ы], ять и другие. Использование чужого письма усложняло восприятие священных текстов. Но так было, пишет Черноризец Храбр, «многие годы», пока прибывший в Моравию из Византии по поручению Михаила III, в сопровождении старшего брата Мефодия и учеников, славянский первоапостол Константин-Кирилл Философ не обучил славян разработанному им письму, предназначенному специально для передачи славянской речи. Создание первой славянской азбуки, таким образом, было непосредственно связано с апостольской деятельностью Константина-Кирилла в середине IX столетия.

Константин-Кирилл, тонко чувствуя слово Писания, стремился к адекватному переводу его на славянский язык и к максимально точному воспроизведению звучания славянской речи в тексте. О том, насколько его филологический слух был чуток к звучанию речи, свидетельствуют следующие его слова, произнесенные на диспуте с триязычниками и запечатленные в «Пространном житии»:

«И бездушные (вещи), издающие звук, будь то свирель или гусли, если не производят различных звуков, то как распознать, что пищит, что гудит? Ибо если неясный звук издаст труба, кто станет готовиться к сражению? Так, вы, если издадите языком непонятные слова, как станет понятным то, что говорите? Ибо будете как говорящие на воздух. Ведь сколько видов звуков во всем мире, и ни один из них не безгласен. Ведь если не знаю силы гласа, то буду для того. Кто со мной говорит, чужестранцем, и он для меня будет чужестранцем».

Приступая к созданию своей азбуки, Константин тщательно изучил звуковой состав славянской речи (того болгаро-македонского говора, носителем которого он сам был) и предусмотрел в составе алфавита не только все необходимые буквы для воспроизведения славянских слов, но также и ряд букв, нужных для точного воспроизведения многих богослужебных терминов, воспринятых из греческого текста. Филологи мира до сих пор не перестают восхищаться фонологическим совершенством азбуки Кирилла. Она служила точному воспроизведению «божественных глаголов» и гармонии их звучания в славянской речи. Очевидно, благодаря этому качеству азбука Кирилла и получила название «глаголицы».

Содержательной основой для христианской миссионерской азбучной системы Кирилла послужил текст Библии. Имена букв и начертания первого славянского алфавита в свете средневековой эстетики воспринимаются как священные символы. Наиболее значимые с точки зрения христианского восприятия фрагменты Библии – фрагменты Псалтыри и Евангелия – содержательно «откликаются» в именах славянских букв. Каждое имя буквы поддержано со стороны Библии, укоренено в ней и живет ее смыслами. В Библии постоянно звучат ведущие мотивы нравственно-дидактического характера, многократно повторяется религиозно-назидательная мысль: ведение, мудрость, добро дает Господь; устами его говорят глаголы вечной жизни; Земля должна следовать заветам Бога; слово, сказанное Богом, твердо; слово человека, данное Богом, тоже должно быть твердым. Эти ключевые смыслы Библии повторяются в символических именах и начертаниях первой славянской азбуки глаголицы. Имена букв как бы складываются в узнаваемые христианские заповеди: **Глаголь добро ксть; Людие мыслите; Нашь он покой; Рьци слово тврѣдо.** Показательно в этом смысле образуемое именами выражение **Рьци слово тврѣдо**, напоминающее ряд библейских высказываний: Будет твердо всякое слово – 2 Кр. 13, 1; Возвещенное слово было твердым –

Евр. 2, 2 и под. Образуемые именами букв синтагмы представляют собой как бы ключевые заповеди Библии, выраженные в славянском азбучном тексте. А вместе имена славянских букв составляют на уровне смыслов закодированный метатекст, символизирующий одновременно и «тропу жизни», установленный Богом порядок сущностей: **Азь Δ Живѣте Δ Земля Δ Покой Δ Чръвь Δ Хлѣмъ**, и напутствие, закон праведной жизни: **Глаголь добро ксть; Живѣте ѡбѡ; Людие мыслите; Наш он покой; Рьци слово тврѣдо**. О существовании такого азбучного текста свидетельствует содержательное и грамматическое согласование имен: **Азь вѣдѣ. Глаголь добро ксть. Людие мыслете**. Имена букв являются уникальным феноменом древнеславянской письменной культуры. В них были завещаны и навечно закреплены для славян слова Завета как нравственные ориентиры, как духовное напутствие.

Вся азбука была задумана Константином как символическая система. Ее изначальной задачей являлась идея христианизации славянского мира, привнесение в жизнь славян-язычников слова Евангелия, знания о спасительном подвиге Христа, очищающей силе духовной жизни. Поэтому каждая буква первой славянской азбуки имеет необычные для других алфавитов начертания. Глаголические начертания оригинальны, загадочны и неповторимы. Они являются славянскими священными символами. Начальная буква глаголицы Азь имеет форму креста, хризмона, знака, осеменяющего начало всякого творения, включая славянское письменное слово. Буквы Иже и Слово начертаниями выражают идею мессианства – нисхождения и восхождения Христа. Буква Ядь (в современной огласовке – ять), имя которой символизирует духовную пищу и Христа, означает и Троицу, идею равенства ее ипостасей выражает форма равностороннего треугольника, стороны которого в центре соединены тремя лучами. Такими знаками-символами и были записаны первые переводы Библии на славянский язык. Глаголица, созданная Кириллом, теперь известна только специалистам. В древнейших монастырских книгохранилищах – на Афоне, на Синае, в Рьльском монастыре Болгарии были обнаружены древнейшие славянские богослужебные книги, написанные глаголицей. Изучение их в сопоставлении с разными восточными и западными текстами показало, что нет никакого другого письма, буквы которого можно было бы признать прототипами первых славянских букв.

Такой появилась на свет первая славянская азбука глаголица. Кириллица же – это более поздняя (появившаяся спустя три-четыре десятилетия) транслитерация глаголицы, то есть азбучная система, переведенная в другие начерта-

ния, литеры. Транслитерацию, т.е. перевод глаголицы в более простую по формам букв кириллицу, осуществил, используя начертания греческого письма в начале X в. в Болгарии в правление царя Симеона ученик Кирилла Климент Охридский. Древнейшие славянские памятники письменности сохраняют для нас две эти письменные системы, два алфавита – глаголицу и кириллицу. Общим для них является состав букв, их последовательность, их имена Аз, Буки, Веди, Добро, Есть, Живете... Их отличает начертание букв. К сожалению, славяне со временем потеряли ощущение символического значения начертаний и имен глаголицы, азбуки, более простой по начертаниям, чем глаголица, созданная Константином-Кириллом. Кириллица – это транслитерация глаголицы, то есть азбучная система, переведенная в другие начертания. Древнейшие славянские памятники письменности сохраняют две эти письменные системы, два алфавита. Общим для них является состав букв, их последовательность, их имена Аз, Буки, Веди, Добро, Есть, Живете...

К сожалению, славяне со временем потеряли ощущение символического значения начертаний и имен глаголицы, постепенно она вышла из употребления. Этому способствовало то обстоятельство, что Болгария, ставшая после смерти славянских первоучителей центром славянской книжности, испытывала политическую зависимость от Византии. В XI в. она даже была завоевана Византией и полтора столетия находилась в византийском рабстве. В силу значительного сходства с греческим алфавитом кириллица была более понятна и близка неславянскому миру, в особенности греческим священнослужителям, чему не мог не придавать большого значения болгарский царь Симеон, сам получивший образование в Византии. Более удобной она была и для удовлетворения государственных нужд Болгарии, для заключения договоров и светской переписки. И для широких народных масс она была тоже более простым и понятным письмом (ведь предшествовала длительная традиция использования греческих букв. В памяти народа навсегда в имени славянской азбуки закрепилось имя славянского первоучителя Кирилла, поскольку духовной основой славянской книжности была и есть та просветительская традиция, создателем которой явился Константин-Кирилл Философ.

Вопросы для обсуждения

1. К какому времени относится появление первой славянской азбуки?
2. Какой источник послужил содержательной основой глаголицы?
3. Что дает основание считать глаголицу не простым алфавитом, а символической азбучной системой?
4. Как соотносятся глаголица и кириллица?

«СКАЗАНИЕ О ПИСЬМЕНАХ» ЧЕРНОРИЗЦА ХРАБРА И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

«Сказание о письменах Черноризца Храбра» – один из памятников древнеславянской письменности, документ, представляющий собой рассказ об истории возникновения письма у славян и апологию первой славянской азбуки. Текст этого памятника имел широкое распространение в славянских землях. Исключительная популярность в славянской средневековой литературе этого небольшого по объему рассказа определяется его документальностью, обилием точных сведений, касающихся истории развития письма, а также патриотическим всеславянским пафосом. В нем Храбр с позиции своего времени дает ретроспективу исторического пути славянской письменности, указывая на три его этапа: этап добуквенных «черт и резов» до крещения; этап использования греческого и латинского письма «без устроения» и, наконец, время появления самостоятельного письма у славян, изобретенного Константином-Кириллом Философом. Храбр противопоставляет славянскую азбуку греческой и отстаивает достоинства славянской азбуки, более приспособленной для письма, так как она «устроена по славянской речи», и «более святой», чем греческая, поскольку она создана «святым мужем», а не язычниками эллинами. Автор «Сказания» точно определяет время появления славянской азбуки в правление «Михаила, цесаря греческого, и Бориса, князя болгарского, и Ростислава, князя моравского, и Коцела, князя блатенского, в лето же от создания мира 6363», и с гордостью говорит о просвещенности славян. Все славянские книжники знают имя создателя славянской азбуки – святого Константина Философа: вси вѣдають. и ѿвѣщавше рекють стын коньстантинъ философъ, нарицаемый кирилъ, тои намъ писмена сотворилъ, и книги преложилъ (древнеславянский текст цитируется по Усовскому списку).

Написано было «Сказание о письменах» предположительно в конце IX – начале X века неизвестным древнеболгарским книжником, о котором не дошло никаких сведений ни от современников, ни от писателей более позднего времени. Весьма скудные сведения об авторе исследователи черпают из самого текста «Сказания». Несмотря на многократно предприни-

мавшиеся исследования памятника и длительную научную дискуссию, ни личность автора, ни его происхождение, ни имя не определяются однозначно. Еще в 1848 году в статье «Древние письмена славянские» И.И. Срезневский высказал предположение, что «Сказание» было написано православным книжником, жившим где-то у границ Византии в эпоху, непосредственно следующую за эпохой деятельности Кирилла и Мефодия. В 1855 году О.М. Бодянский, развивая идеи И.И.Срезневского, в книге «О времени происхождения славянских письмен», писал, что Храбр должен был жить в западной части Болгарского царства, где работали после изгнания из Великой Моравии ученики Кирилла и Мефодия. В конце XIX века И.В.Ягич высказал предположение, что имя Храбра представляет собой литературный псевдоним. Имя «Храбр», упомянутое в названии рассказа, и сегодня интерпретируется исследователями по-разному: К. Куевым и И. Снегаревым – как личное имя собственное, другими учеными как эпитет к слову «черноризец». Черноризец храбр, то есть храбрый черноризец, храбрый монах, так мог быть назван неизвестный автор за полемическую заостренность рассказа, за пафос, утверждающий право славянства на создание своего собственного письма. Одни ученые связывали этот эпитет с личностью Константина – Кирилла Философа, другие – с Климентом Охридским, учеником Кирилла, высказывалось мнение, что автором рассказа был болгарский царь Симеон, сын Бориса, а академик Е.Георгиев полагал, что за этим именем скрывается брат Бориса Черноризец Докс. Но кто бы ни стоял за этим славным именем, автор «Сказания» вырастает в легендарную личность, так как он застал на своем веку славянских первоапостолов: *сѣтъ въ еще живи иже сѣтъ видѣли ихъ*. Эта строчка, читаемая в Московском списке, позволяет определить время жизни Храбра как конец IX начало X века.

Чтобы оценить значение этого труда для понимания древнеславянской ментальности, отраженной в глаголических буквах, нужно учесть, что автор его был «одним из первых», продолжателем апостольского дела Константина-Кирилла, представителем и выразителем той же самой эпохи.

Как памятник, повествующий об истории возникновения письменности у славян, «Сказание о письменах Черноризца Храбра» попало в поле зрения русских грамматистов уже в XVII веке. В начале XIX века в связи с общим пробуждающимся интересом к истории славянской культуры, к памятникам старославянской письменности, к вопросу о происхождении

славянских азбук начинается разыскание и исследование рукописных списков «Сказания о письменах Черноризца Храбра». Первым был издан в 1824 К. Калайдовичем в сборнике «Иоанн Экзарх Болгарский» болгарский список 1348 года, хранившийся тогда в Императорской Публичной Библиотеке.

В 1848 г. И.И. Срезневским «Сказание о письменах» было опубликовано выборочно по списку Московской Духовной академии, представляющему рукопись XV века. Данная рукопись примечательна тем, что в ней содержится строка **сѣт бѣ еще живи иже сѣть видѣли их**, дающая основания для предположительной датировки памятника. С момента опубликования текст данного списка привлек внимание исследователей как наиболее ранняя редакция памятника. Ряд особенностей списка позволил установить, что он восходит к глаголическому оригиналу. Важно отметить, что для выяснения вопроса о том, какая из двух древнеславянских азбук старше, этот список имеет исключительное значение: в нем приведен полный перечень букв составленного Кириллом алфавита (большая часть списков сохраняет сокращенный перечень букв). Здесь упоминаются буквы **Пѣ, Хлѣ, Тѣ**, указывающие именно на глаголицу как на азбуку, созданную Кириллом. Как известно, букв **Пѣ, Хлѣ, Тѣ** в кириллице никогда не было, вместе с тем, они определяются как глаголические на основании совокупности прямых и косвенных данных, полученных при изучении таких глаголических рукописей, как Ассеманиево евангелие и Синайская псалтырь.

К настоящему времени обнаружено свыше ста списков текста «Сказания о письменах», относящихся к XIV – XVIII вв. В их числе Усовский список, в составе «грамматического сборника» XVII в., хранящегося в собрании рукописей Е.И. Усова Государственной научной библиотеки. Усовский, как и многие другие списки, представляет русскую редакцию. Текст этого списка положен в основу перевода, включенного в данное издание.

Сказание Черноризца Храбра «О письменах» – памятник конца IX века – стоит у истоков православной христианской традиции в славянской культуре. Это религиозно-патриотическое произведение о вхождении славян в «священную историю». В нем Черноризец Храбр обосновывает и отстаивает право «рода славянского» на его место в «священной истории». В этом смысле он поддерживает и продолжает «апостольское дело» Кирилла и Мефодия – духовное просвещение славянского племени посредством славянского письменного слова. Последователь славянских первоапостолов, как

и Константин Преславский, Черноризец Храбр считает, что «безбуквенная душа мертвой является в человеках». «Славянские письмена» призваны освободить человека от духовного бессловесия, от безрассудства, от духовной неустроенности. Таким образом, вхождение славян в «священную историю» может начаться и начинается только с письменности, с упорядоченности букв, которые должны быть организованы в соответствии со священно-сакрализованым мироустройством. Черноризец Храбр, следуя апостольской традиции своих учителей, отстаивает и в споре с оппонентами утверждает право писать и читать священные тексты на славянском языке. Он уподобляет «род славянский» отдельному человеку, который проходит в своей жизни различные этапы на пути постижения истины, пока она ему не откроется во всем сиянии и блеске. С этой точки зрения у человека нет биографического пути, а у славянского рода нет (в привычном значении этого слова) исторического пути, насыщенного последовательно развивающимися событиями. Храбр рассматривает историю, жизнь славянского рода с христианских позиций. Для него в жизни славян есть одно наиважнейшее событие, равное Крещению, определившее их судьбу, – создание Константином Философом славянской письменности.

Как уже было отмечено, по свидетельству Черноризца Храбра, славяне на пути обретения письменности проходят несколько этапов. Их история (предыстория) начинается с «темного периода», когда они были язычниками и не имели ни письменности, ни христианской веры: «Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но читали и гадали с помощью черт и резов». Второй этап их истории – Крещение. Но когда они «крестились, – замечает Храбр, – то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка». Славяне приняли христианство, но еще нет порядка, нет гармонической устроенности и духовного лада: подражают иностранному, следуют «иноплеменной моде». «И так было многие годы», – подчеркивает Черноризец Храбр, говоря о долгом периоде в жизни славян. Это внутренне скрытый, но, наверное, самый сложный этап – время искушений, колебаний и сомнений: слишком величественны дары античной культуры, чтобы от них отказаться. Но, по законам житийного жанра, период испытаний и искушений, время «пустынничества», заканчивается чудом преображения – славяне обретают письменность. Она есть благодатный дар самого Бога. Славяне среди равных, у них свой «подарок». Черноризец Храбр подчеркивает, что Тво-

рец не стал «передаривать» чужое славянам. Он дает славянам в лице Константина Философа творческую возможность создать свою письменность. Бог избрал славян, как некогда евреев, для заключения священного союза: «Бог человеколюбец, который правит всем и не оставляет человеческого рода без знания, но всех приводит к познанию и спасению, помиловал род славянский и послал им святого Константина Философа».

Фраза, произнесенная Черноризцем Храбром, подобна словесной иконе и безупречна с точки зрения христианского мироощущения. Она содержит основные слова-символы и направляет сознание православного славянина в русло религиозного переживания, последовательно соотнося Бога, любовь, человеческий род, человека, знание и спасение.

Не только «Сказание о письменах» Черноризца Храбра, но и другие письменные источники, например «Паннонские легенды», «Похвальное слово Кириллу и Мефодию», рассказывают о создании первого славянского алфавита как о милости Божией. Перед тем как создать свою азбуку для славян, как повествуется в «Пространном житии Кирилла», славянский первоучитель предавался аскезе – стоял на молитве. Таким образом, не только Черноризец Храбр, но и другие древнеславянские книжники говорят об особой святости славянских букв.

Заключительные слова Черноризца Храбра, противопоставляющие греческим буквам письма кириллова алфавита и подчеркивающие их христианскую сакральную содержательную основу, являются важным свидетельством при решении вопроса об атрибуции глаголицы Кириллу и служат важным аргументом в исследовании ее символического содержания.

«Сказание о письменах Черноризца Храбра» представляет собой исключительную ценность для решения многих вопросов, связанных с происхождением глаголицы. Автор его был современником Константина Кирилла, в его «Сказании» отражены слово и дух времени. Он свидетель событий. Установлено, что первоначальный вариант «Сказания о письменах» имел в своей основе глаголический текст.

«Сказание о письменах Черноризца Храбра» помогает установлению содержательной основы первой славянской азбуки – глаголицы. В своем сочинении, возражая своим противникам и рассуждая вместе со сторонниками славянского письма о том, когда и как появились буквы у славян, Храбр проводит следующую важную для нас мысль: посланными через Кирилла буквами Бог привел славян к познанию, он даровал славянам спасе-

ние от языческой темноты: «Ведь прежде славяне, когда были язычниками...гадали». Храбр отождествляет славянское письмо и особое, дарованное Богом знание. Славянское письмо и есть знание – утверждает последняя, ключевая фраза трактата: «Такое знание, братья, дал Бог славянам».

Храбр отчетливо противопоставляет славянскую азбуку, созданную Кириллом, и греческую по их характеру и происхождению. Он говорит как бы о двух разных графических системах. При этом он намеренно и последовательно использует и разную терминологию, разную глагольную лексику, которой передает возникновение греческого письма и славянского.

Во всем тексте «Сказания» по отношению к греческому письму Храбр использует лексемы, указывающие на его «нетворческую природу»: Греческое письмо, как пишет Храбр, собрали. Некоторые буквы шѣрѣли, т.е. «нашли», другие приложили, другие устроили. Это письмо было составлено за долгое время в результате приспособления финикийского алфавита. Иное дело славянская азбука. Акт появления славянских букв – это акт творения. Черноризец Храбр говорит о деяниях Кирилла, используя ту же лексику, которую он употребляет, говоря о деяниях Бога: Бог сотворил землю, а святой Кирилл сотворил азбуку для славян. Итак, Храбр последовательно противопоставляет славянскую азбуку, созданную Кириллом, греческой. Можно сказать, что именно в этом и заключается основная идея трактата «О письменах». Эти рассуждения имеют большое значения для того, чтобы определиться в вопросе, какую же азбуку составил Кирилл. Кириллица есть азбука, возникшая наподобие греческого алфавита, она являет собой тип устроенной азбуки. Как и для греческого алфавита, часть букв для нее тоже шѣрѣли, а другие приложили. Следовательно, свою защитную речь в честь азбуки Кирилла Храбр написал о глаголице.

Итак, исключительно ценным историческим документом для решения вопроса об атрибуции глаголицы Кириллу, а также ряда других вопросов, связанных с происхождением славянской письменности, является «Сказание о письменах Черноризца Храбра». Именно на основании свидетельств древнеболгарского писателя становится возможным установить, что, во-первых, Кириллом была составлена глаголица: на глаголицу указывает буквенный ряд, приведенный Храбром. Из приведенных свидетельств древнеболгарского писателя следует, во-вторых, что славянские имена букв Азъ, Бѣкъ, Вѣдѣ, Глаголи, Добро, Ієсть были созданы самим Константином-Кириллом и что они первоначально относились к начертаниям глаголицы.

Вопросы для обсуждения

1. Что известно о происхождении памятника «Сказание о письменах» Черноризца Храбра?
2. Кем из ученых исследовался этот памятник и в каких отношениях?
3. В чем заключается ценность этого текста для изучения истории происхождения славянской письменности?
4. Что дает текст для понимания древнеславянской ментальности?
5. Какие содержатся в тексте аргументы для атрибуции глаголицы Кириллу?

ТЕКСТ «СКАЗАНИЯ О ПИСЬМЕНАХ» ЧЕРНОРИЗЦА ХРАБРА В ПЕРЕВОДЕ С УСОВСКОГО СПИСКА

Сказание о письменах: как составил святой Кирилл Философ азбуку для славянского языка и как он священные книги перевел с греческого на славянский язык.

Прежде у славян не было букв, поскольку они были еще язычниками, а вели счет и гадали они по чертам и резам.

Крестившись же, славяне пытались записывать славянскую речь латинскими и греческими буквами, без их приспособления. Но разве можно хорошо записать греческими буквами славянские слова: Бог, живот (жизнь), зело, церковь, чаяние или человек, широта, щедрость, уд, юность, язык, ядь и другие подобные этим? Но так было долгое время.

Потом же человеколюбец Бог, все устраивающий на пользу людям и не оставляющий человеческого рода без знания, но всех приводящий к разуму и спасению, помиловав славянский род, послал славянам святого Константина Философа, названного в монашестве Кириллом, мужа праведного и святого. И он создал для них тридцать восемь букв – одни по порядку греческих букв, другие же по славянской речи.

Он начал с первой буквы, следуя грекам: у них ведь *альфа*, у него *аз* – принцип один. И как они, следуя еврейской азбуке, сделали, так и он – наподобие греческой. У евреев ведь первая буква *алеф*, что значит *учение*. То есть они говорят ребенку *учись*, когда начинают его учить, что есть *алеф*. Так и греки подобно тому сказали *альфа* и уподобили истолкование еврейского слова греческому, чтобы напутствовать ребенку в учение словом *ици*, поскольку в греческом языке *альфа* значит *ици*. И следуя за ними, святой Кирилл создал первую букву *азь*. И поскольку буква *азь* была первой дарована от Бога роду славянскому на отверзание уст для познания детям, изучающим буквы, то она широким раскрытием рта произносится, а другие буквы малым раскрытием рта произносятся и называются.

Таковы же буквы славянские, и так их надлежит писать и произносить: а, б, в, г, д и прочие. Одни из них подобны греческим буква: а, в, г, д, е, з, и, д, і, к, л, м, н, ѓ, о, п, р, с, т, њ, ф, х, џ, ѡ, а четырнадцать созданы по славянскому языку. Это буквы б, ж, с, ц, ч, ш, щ, ѣ, ы, ъ, ѣ, ю, ѝ, ѡ.

Некоторые же говорят, зачем тридцать восемь букв создал, можно дескать и меньшим количеством букв писать, как греки двадцатью че-

тырьмя буквами пишут. Не знают же в точности, каким количеством пишут, потому что у них двадцать четыре буквы, но ими не наполняются книги. Но добавили одиннадцать знаков для дифтонгов, и еще три для чисел (шесть, девяносто и девятьсот), и набирается их тридцать восемь. Подобно им создал святой Кирилл тридцать восемь букв.

А есть некоторые, кто говорит, зачем нужны славянские буквы, их ни Бог не создал, ни ангел, они незаконны, в отличие от еврейских и греческих, которые от закона и приняты Богом. И мнят таковые, будто для них одних создал Бог буквы. И не ведают, что говорят окаянные, будто на трех языках только Бог повелел книгам быть. Сказали, что и в Евангелии так говорится, так как титло написано на кресте Господнем на еврейском, греческом и на латинском, а славянского там нет. Поэтому и говорят, что славянские книги не от Бога.

Ну что сказать таким безумцам? Но скажем им из Святого Писания, откуда мы восприняли, что все возможное происходит от Бога, а не от иного. И еще – автор псалтыри говорит: хвалите Господа все языки и хвалите его все люди. А не только на трех азбуках и языках, как те баснословят. Не создал Бог раньше всего еврейский язык, или эллинский, или римский, но сирийский, на котором Адам говорил. И от Адама до потопа этот язык использовался, а после потопа разделил Бог языки при столпотворении, как сказано (в Писании), и смешались народы, И как языки разделились, так и нравы, и обычаи, и уставы, и законы, и искусства на каждом из языков. Египтянам же досталась геометрия. Персам, халдеям и ассирийцам – звездочетство, волхование и чародейство и все хитрости человеческие, евреям же святые книги, в которых написано, как Бог сотворил небо и землю и все, что на ней, – человека и все по порядку, как сказано. Эллинам же достались грамматика, риторика и философия.

А раньше этого эллины не имели букв для своего языка, но финикийскими буквами записывали свою речь. И так было долгое время. Наконец пришел Паламид и, начиная от *альфы*, шестнадцать букв только нашел для эллинов. Добавил к ним кадм из Милета 3 буквы – и стало девятнадцать. И писали этими буквами долгое время. Потом Симонид, найдя две буквы, добавил их. Епихарм-толкователь добавил три буквы. И собралось их двадцать четыре. Спустя долгое время Дионисий шесть знаков для дифтонгов нашел, а кто-то – еще пять, а другой – три буквы с числовыми значениями.

И вот так многие в течение долгого времени едва собрали тридцать восемь букв. А потом, по прошествии еще долгого времени, по Божьему повелению нашлись семьдесят человек, которые перевели с древнееврей-

ского языка книги (Священного Писания) на греческий язык по распоряжению египетского царя Птолемея. А славянские буквы один святой Константин, названный в монашестве Кириллом Философом, буквы сотворил и книги перевел за короткий срок с греческого на славянский язык. А они за долгое время семеро азбуку устроили, и семьдесят человек им книги перевели. Вот потому-то славянские буквы более святы и достойны, что их святой муж сотворил, а греческие – эллины-язычники,

Если же кто скажет, что он устроил (азбуку) несовершенно, что после него она перестраивается, мы отвечаем им: и греки много раз перестраивали – Акилла и Симмах, а потом иные многие.

И если спросишь греков, читающих книги, кто вам азбуку составил и книги (Библию) перевел и в какое время, то мало кто из них знает. Если же спросишь славянских книжников, кто вам буквы сотворил и книги перевел, то все знают и, отвечая, скажут: святой Константин Философ, называемый Кириллом, он нам буквы сотворил, он же и книги перевел, и Мефодий – брат его – епископ Моравский. И если спросят, в какое время, отвечаем: после Седьмого собора в сорок четвертый год, во время правления Михаила, царя греческого, и его матери Феодоры, которые православную веру утвердили, и Бориса, князя болгарского, и Растица, князя моравского, и Котела, князя блатненского, в год от сотворения мира 6363.

Есть же и иные ответы, которые в другой раз скажем, а сейчас не время. Такое знание, братья, даровал Бог славянам. Ему же слава во веки веков. Аминь.

Вопросы для обсуждения

1. Что сообщает Черноризец Храбр об этапах истории появления письменности у славян?
2. Какое отношение выразил автор текста к «чужим» системам письма, которые использовались славянами до появления славянской азбуки?
3. Как лингвистически обосновывается выбор слов, приведенных Храбром в рассуждении о неудобствах греческого письма для славян?
4. В чем содержание полемики Храбра с противниками славянского письма?
5. Как аргументирует Храбр достоинства славянской азбуки?
6. Какие данные дает текст для понимания отношения к славянской письменности на этапе ее появления.

АПОСТОЛЬСКАЯ МИССИЯ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Приобщение славянских племен к православной вере, просвещение – в этом уже современники увидели смысл миссии равноапостольных святых Кирилла и Мефодия в славянские земли. В переводе с греческого языка апостолы значит «посланники Божии». За великие заслуги в духовном просветительстве славян церковь канонизировала братьев и назвала именем равноапостольных святых. Тем самым их деяния приравнены к подвигам первых апостолов Христа. Сохранился древнеболгарский канон на память преподобного и святого «учителя словенску языку», который гласит:

«Исполненный Божией мудростью, о блаженный Кирилл, ты прошел, просвещая благодатью, города и страны. Потому и чтим тебя.

Светодавец Бог наш явил тебя всему миру учителем ...Ты же силою книг как бы заново родил человека. Потому и превозносим тебя.

До предела западных земель дошел, слово Божие сея в народах, и как солнце над землей воссиял, наш учитель. Потому и славим тебя в веках».

Праздник славянской письменности, как и сама славянская письменность, пришел к нам и в другие славянские земли из Болгарии, где к нему относятся с особой любовью и святостью, называют второй славянской пасхой. В Болгарии, где древнецерковнославянский язык, разработанный Константином-Кириллом, Мефодием и их учениками для перевода Священного Писания, был почти сразу объявлен государственным языком, отмечают память равноапостольных святых после их канонизации в IX в.

Церковь чествует братьев в первую очередь как создателей славянского богослужения. Мир светский отмечает их исключительные заслуги в создании славянской письменности. Однако, только воссоединив грани творчества первоучителей, мы поймем во всей полноте непреходящее значение его для славянства. Ведь святой Кирилл был личностью удивительно цельной, и краткая его земная жизнь (всего лишь 42 года) явилась, если пользоваться христианской образностью, как просиявшее солнце, как светлое, чудесное знамение.

И создание независимой от латинского духовенства славянской Церкви, и появление славянской письменности было связано с миссионерской деятельностью Константина-Кирилла Философа, которая приходится на вторую половину IX столетия.

Пространное житие воссоздает образ Константина-Кирилла как выдающегося мыслителя своего времени, получившего прекрасное образование у известных константинопольских ученых, знатока восточных языков и культур. Подробные цитаты и выдержки из Библии и богословских сочинений, включенные в тексты речей Константина-Кирилла, показывают глубину его религиозных переживаний, блестящее знание текстов Священного Писания. Он с детства изучает труды отцов церкви. Еще юношей на 16 году жизни, по поручению императора Михаила III он участвует в диспуте с патриархом Аннием, идейным главой партии иконоборцев. В споре блестяще отвечает на вопросы Анния о символическом значении креста и икон и побеждает, за что получает титул философа. Просвещенность, широкий кругозор, прекрасная память выделяют его среди современников. Во всех поездках он стремится обогатить себя новыми знаниями.

Момент создания азбуки, которым определяется и время появления письменности у славян, в истории взаимоотношений славянства с европейским миром был эпохальным для последующего развития славянской цивилизации: с появлением азбуки стал возможным перевод христианских текстов на славянский язык;

- была создана литургия на славянском языке, что явилось необходимой предпосылкой для возникновения славянских национальных церквей;
- единая монотеистическая религия способствовала формированию централизованных

славянских государств. По сути дела именно с этого времени начинается вхождение славян в «священную историю», начинается историческое развитие славянского мира, зарождается славянская литература. Крещение и создание славянской письменности великим гуманистом Средневековья Константином-Кириллом Философом послужило началом включения славянского мира в общеевропейскую жизнь [Флоря, 1996, 299-306; Голстой, 1998, 44].

Не только для истории славянства, но и для всеобщей истории появление славянской письменности было событием исключительным: *впервые в средневековой Европе создаются богослужебные книги на родном языке.* До появления славянской азбуки не только религия средневековой Европы, но и наука и литература получали свое оформление на «мертвом» латин-

ском языке, только значительно позже, в XV-XVI вв., западноевропейские языки получили доступ в литературу.

Азбука Константина – глаголица – была задумана и осуществлена не только как совершенная алфавитная система, точно передающая звуковой состав славянской речи, но и как система христианских символов, т. е. начертания ее подчинены выражению важнейших христианских смыслов. Так первая буква ее Азь имеет форму креста. Глаголическая азбука, созданная Кириллом, занимает особое – исключительное – место не только в европейской, но и в мировой культуре. Среди немногих известных миссионерских азбук, специально созданных для перевода богослужебных текстов, она является единственной азбукой, синтезирующей свойства фонографии и идеографии и воплощающей в начертаниях своих букв религиозно-философскую картину божественного Универсума. В ее знаках-символах запечатлена картина мира, характерная для своего времени.

Что же это было за время, обозначившее себя так заметно в творчестве славянского первоапостола? Для славян прежде всего это было время откровения, когда Бог пришел к «своим» и «дал власть быть чадами Божиими» (Ин. 1, 12). Духовное обновление славян и их «буквенное» прозрение состоялось в момент трагического разлома старой Европы, в период, как его выразительно характеризует историк, когда кирилло-мефодиевскому вопросу стать «яблоком раздора» между Византией и Римом.

Это время было благоприятным для создания славянской письменности. В византийской православной культуре, послужившей для нее «питающим источником», уже сформировалась целостная религиозно-эстетическая система, на основе которой стала возможной разработка столь сложной в религиозно-символическом плане азбуки.

С просветительской деятельностью св.св. Кирилла и Мефодия связано зарождение книжной традиции у славян. Взяв за основу один из древнеболгарских диалектов, они создали на нем первые церковнославянские произведения. Их собственные труды и плоды деятельности их учеников лежат в основании всей славянской литературы. Так, например, самые древние из сохранившихся старославянских текстов X в., написанных в моравских, западно-болгарских, восточно-болгарских областях, являются одновременно и наиболее древними текстами кирилло-мефодиевских переводов. Из Пространного жития Мефодия известно, что сначала святые равноапостольные перевели Евангелие, Псалтырь, Апостол, и избранные

церковные службы. В последние годы жизни Мефодий перевел и книги отцов. Сохранившиеся старославянские рукописи свидетельствуют об этих трудах. Написанное глаголицей Ассеманиево евангелие, кириллические Остромирово евангелие и Саввина книга представляют собой списки с перевода евангелия – апракоса, того самого древнейшего типа евангельского богослужебного текста, который переводился самим Кириллом и был первым текстом, записанным славянской азбукой глаголицей. Апракосное евангелие начинается первой строкой от Иоанна. И древнейшие старославянские евангелия именно этого типа.

Таким образом, древнейшие тексты Евангелия и Псалтыри и другие тексты Библии являются результатом деятельности славянских первоучителей.

Сохранились и оригинальные произведения Кирилла. В их числе фрагменты его речей на диспутах, «Проглас» к Евангелию, «Написание о правой вере», «Херсонская легенда», «Гимн на обретение мощей Св. Климента», «Азбучная молитва», распространенная в средневековых славянских рукописях под названиями **Молитва Константина Философа**, **сътворена азбүкою**.

Литературная деятельность учеников и последователей Кирилла и Мефодия, значительная по объему, содержанию и форме, определило лицо целого периода в развитии славянской средневековой литературы. На первой славянской азбуке глаголице, созданной Кириллом, были написаны фундаментальные произведения различных жанров – естественнонаучные труды, такие, как Шестоднев Иоанна Экзарха, Физиолог, Толковая палея, Седьмочисленники, календарные астрономические сочинения; богословские энциклопедии, такие, как Изборники Симеона; сборники сочинений святых отцов с толкованиями, исторические сочинения, филологические трактаты, гимнографические произведения, богослужебные песнопения, поэтические творения, азбучные молитвы и другие акростиhi, похвальные слова. Ученики чрезвычайно много сделали для создания первых литературных центров в Преславе, Охриде, Плиске. Деятельность этих центров под знаком кирилло-мефодиевских традиций ознаменовала новый этап подъема славянской культуры, называемого золотым веком славянской культуры (он приходится на конец IX- начало X вв).

Таким образом, следует признать, что и церковная славянская православная традиция и славянская светская культура в своем развитии наследуют и продолжают взаимосвязанные аспекты деятельности первоучите-

лей. Ведь святые братья не только первыми провозгласили для славян евангельское слово, но и стали родоначальниками славянской письменной культуры. От них берут начало и литургия на славянском языке, и славянская православная церковь, и церковнославянский язык, послуживший основой для становления и развития литературных языков всех славян, и древнеславянская литература во всем богатстве разнообразных ее жанров, и переводческая традиция, и азбука, и в связи с ее созданием первые научные исследования славянской речи, и учительская, и школьная традиция – все, без чего немислимо дальнейшее развитие славянской культуры во всех ее направлениях, – связано с именами славянских первоапостолов.

Два брата – две яркие личности. Константин-Кирилл – гениальный первооткрыватель. Именно ему принадлежит заслуга создания славянской азбуки и письменности. Если называть его по сферам проявления гения, он философ, проповедник, миссионер, переводчик-полиглот, писатель, поэт. Он и лингвист, поражающий современных ученых своими достижениями в переводческой технике, в фонологии, риторике, стилистике. Разработанный им древнецерковнославянский язык – образец языковой гармонии и совершенства. Подвиг Мефодия в служении общему делу просвещения славян. Он первый славянский архиепископ, строитель славянской церкви, наставник учеников. Много испытаний, заточение в баварскую тюрьму и пытки пришлось ему претерпеть со стороны преследователей славянской церкви и письменности.

Равноапостольные святые братья Константин-Кирилл и Мефодий вместе смогли совершить невозможное – создать такой код и фонд письменной культуры и такую школу как условие их воспроизведения, которые обеспечили и будут обеспечивать сохранность славянской этнокультурной традиции на протяжении тысячелетий.

Если углубиться в проблему связей между деятельностью первоучителей и дальнейшим развитием славянской культуры, то встает вопрос о тех темах, которые наследует славянская письменная традиция от Кирилла. Среди наиболее значительных тем, которые выдвигает Константин-Кирилл в своем творчестве, темы евангельские – о правой вере, о Троице, о законе. Круг этих тем связывает творчество Константина-Кирилла с предшествующей византийской традицией.

Речи Константина-Кирилла содержат включения из сочинений Григория Богослова, Иоанна Дамаскина, других отцов Церкви.

Из евангельских тем органически вырастает славянская тема. Она наиболее отчетливо звучит в «Прогласе» и в «Азбучной молитве». В «Прогласе»:

Христос грядет собрать народы
Ведь сказано: слепые прозрят
Глоухие услыша слово Писания
Ради этого же слушайте славяне
Даръ этот от Бога дан...
Радуйтесь, смотрите и любите его...
Народы славянские ...

Летит же ныне словенское племя
К крещению обратились все

Тема славян перекликается с темой слова, письма, книги, одной из ключевых тем Кирилла. В Азбучной молитве:

Господа духа пошли животворящего,
Чтобы вдохнул в мое сердце слово
Пространное слово ныне мне дай
И я целомудренно начну писать

Эта же тема находит свое развитие и в «Прогласе» к Евангелию, написанном Кириллом. Образность «Прогласа» достигает своих вершин как раз в связи с темой книги: без света нет радости оку зреть красоту мира, «такое и душа вьська без буквъ», «паче же сего доуша безбоукъвна является въ чловьцьхъ мртва». Кирилл обозначает, что именно для славян свет веры и свет книги, принятие христианства и обретение письменности совпали во времени. Мотив собирания букв перекликается с мотивом собирания народов, который перерастает в еще одну значительную тему в творчестве Кирилла, очень актуальную для нашего времени, – тему равенства народов, равенства прав народов на свою национальную культуру на родном языке. С наибольшей остротой она выражена Кириллом в диспуте с триязычниками.

Тема учительства, тема преемственной связи между учителем и учеником, также пронизывает все творчество Кирилла. С темой учительства сталкиваемся уже в первой молитве Кирилла, написанной им в отрочестве. В ней Константин назвал Григория Богослова своим «учителем и просветителем»

Тема учительства звучит и в Азбучной молитве Кирилла:

Шѣствѣ ѿ нынѣ по слѣдѣ учителю,

Имени ю и дѣлу послѣдѣ;

В предсмертной молитве своей Кирилл обращается к Господу с тревогой о своих учениках: «Вдохни же в их сердца слово твоего учения. Ведь это твой дар. Тех, что Ты мне дал, как твоих тебе предаю».

Кирилл создал школу своих учеников. И величие дела славянского первоучителя вырастает не только из личного творчества, но и из последовавшей литературной деятельности учеников и сподвижников: Климента Охридского, Константина Преславского, Наума, Иоанна Экзарха Болгарского, Черноризца Докса, Черноризца Храбра. Не вызывает сомнения связь древнеславянской писательской традиции с творчеством Константина Кирилла. Ученики «развивали эти традиции, обогащали в идейном, тематическом, жанровом и стилистическом отношении, способствовали ее дальнейшему развитию. Они активно занимались переводческой деятельностью, необходимой для укрепляющейся христианской церкви. Расширяется круг переводимых византийских авторов и тем. **Константин Преславский** перевел труды константинопольского патриарха Германа (VIII в.). В свое «Учительное евангелие», написанное в конце IX в., он включил переводы толкований Иоанна Златоуста и Кирилла Александрийского на евангельские тексты. Ему же принадлежит перевод сочинения Афанасия Александрийского «Четыре слова против ариан». Он автор исторического сочинения «Истории», стихирей на Рождество Христово и Богоявление, написанных в жанре акростиха, а также большого гимнографического сочинения, включающего около 440 тропарей, вошедших в состав славянской триоди. **Климент Охридский** создал более сорока поучительных и похвальных слов для всех церковных праздников, в том числе похвальные слова Кириллу и Мефодию. Он автор Пространного жития Мефодия. **Иоанн Экзарх Болгарский** – один из плодовитейших писателей в правление болгарского царя Симеона (888-927). Ему принадлежит Шестоднев, т.е. подробные толкования первых трех глав первой книги Моисея о сотворении мира – компилятивное сочинение с включением фрагментов перевода Шестоднева св. Василия Великого, сочинений Севериана Гавальского и с вставками собственных рассуждений; перевод третьей части сочинения Иоанна Дамаскина «Источник знания», известный под славянским заглавием «Небеса»; перевод диалектики Иоанна Дамаскина в 70 главах; перевод греческой грамматики Иоанна Да-

маскина, приспособленной к славянскому языку; несколько слов на разные праздники. **Черноризец Храбр** – древнеболгарский книжник конца IX в., автор первого научного филологического трактата о происхождении письменности у славян, свидетель миссии Кирилла. В своем трактате он пишет: ведь живы еще те, кто их видели. Известны также увлечения книгописанием болгарского царя **Симеона Великого**. Он не только покровительствовал Клименту Охридскому, Науму и Константину Преславскому, но и сам занимался переводами с греческого. Перевод ста тридцати шести избранных Слов Иоанна Златоуста связывают с его деятельностью. Этот перечень может быть значительно продолжен перечислением переводов безымянных книжников. К началу десятого века относится перевод тринадцати слов Григория Богослова, Толкование пророков, в это же время были созданы протографы Изборников царя Симеона, известные у нас под названиями изборников Святослава (1073 и 1076 гг.)

В связи с этим перечнем нельзя не вспомнить ошибочных рассуждений Пушкина о состоянии славянской литературы в средневековье как о «пустыне нашей словесности». Он писал в своих журналистских заметках: «Приступая к изучению нашей словесности, мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники... Но, к сожалению, старой словесности у нас не существует, за нами степь – и на ней возвышается единственный памятник «песнь о полку Игореве». Пушкин не был прав, но в его время еще не был известен круг памятников древнеславянской литературы.

Литературная деятельность учеников и последователей Кирилла и Мефодия, значительная по объему, содержанию и форме, определило лицо целого периода в развитии славянской средневековой литературы. На первой славянской азбуке, созданной Кириллом, были написаны фундаментальные произведения различных жанров – природнонаучные труды такие, как Шестоднев Иоанна Экзарха, богословские энциклопедии, такие, как Изборники Симеона, сборники сочинений святых отцов, старозаветные библейские книги с толкованиями и комментариями, исторические сочинения, календарные астрономические сочинения Толковая палея и Седьмочисленники, филологические трактаты, поэтические и гимнографические произведения, богослужебные песнопения, похвальные слова. Ученики чрезвычайно много сделали для создания первых литературных центров в Преславе, Охриде, Плиске. Деятельность этих центров, действующих под

знаком кирилло-мефодиевских литературных традиций, знаменует собой новый этап расцвета и подъема, называемый золотым веком славянской культуры.

Таким образом, если учитывать и церковную православную традицию и славянскую светскую культуру, то следует признать, что на самом деле они наследуют и продолжают взаимосвязанные аспекты деятельности славянских первоучителей. Ведь святые братья не только первыми провозгласили для славян евангельское слово, но и стали родоначальниками славянской письменной культуры. Не только литургия на славянском языке, славянская православная церковь, но и язык, церковнославянский язык, послуживший основой для становления и развития литературных языков всех славян. Древнеславянская литература во всем богатстве разнообразных ее жанров и переводческая традиция, потребовавшаяся для создания славянской книжности азбука и в связи с этим первые научные исследования славянской речи, учительская и школьная традиция — все связано с именами славянских первоапостолов.

Обстоятельства возникновения письменности были весьма благоприятными для славян. Ведь покровительствовали созданию письма император Византии Михаил III и константинопольский патриарх Фотий. Азбука создавалась специально для передачи славянской речи. И за осуществление этой задачи взялся выдающийся ученый и проповедник Средневековья Константин-Кирилл. Азбука и письменность были восприняты славянами как божественный дар. Так об этом сказал и сам Кирилл в написанном Прогласе к Евангелию: **Дар же сей от Бога дан есть, не будет тления душам тем, которые воспримут сей дар.**

Момент создания азбуки в истории взаимоотношений славянства с европейским культурным миром был эпохальным для последующего развития славянской цивилизации. С появлением азбуки стал возможным перевод христианских текстов на славянский язык, была создана литургия на славянском языке, что явилось необходимой предпосылкой для возникновения славянских национальных церквей. Единая монотеистическая религия способствовала формированию централизованных славянских государств. По сути дела именно с этого времени начинается вхождение славян в «священную историю», начинается историческое развитие славянской культуры, зарождается славянская письменность, славянская литература. Крещение и создание славянской письменности великим гуманистом

Средневековья Константином-Кириллом Философом послужило началом включения славянского мира в общеевропейскую культурную жизнь [Флоря, 1996, 299-306; Толстой, 1998, 44].

Не только для истории славянской культуры, но и для всеобщей истории появление глаголической азбуки было событием исключительным: впервые в средневековой Европе создаются богослужебные книги на родном языке. До появления славянской азбуки не только религия средневековой Европы, но и наука и литература получали свое оформление на «мертвом» латинском языке, только значительно позже, в XV-XVI вв., западноевропейские языки получили доступ в литературу. «В культурной истории средневековой Европы, – справедливо пишет Г.А. Хабургаев, – предприятие солунских братьев было уникальным на протяжении почти тысячелетия – со времени организации вселенской христианской церкви, в частности после создания Вульгаты – латинского перевода Библии, приписываемого св. Иерониму (330-419), и вплоть до начала национальных движений (XV -XVI вв.) – это единственный случай перевода христианских канонических книг на родной язык верующих, не имевших до этого собственной письменности и собственной книжно-литературной традиции: то и другое было создано самими переводчиками» [Хабургаев, 1994, 4].

Что же это было за время, обозначившее себя так заметно в творчестве славянского первоапостола? Для славян прежде всего это было время откровения, когда Бог пришел к «своим» и «дал власть быть чадами Божиими» (Ин. 1, 12). Ситуация Богоявления и запечатлена Кириллом в знаках глаголицы. Духовное обновление славян и их «буквенное» прозрение состоялось в момент трагического разлома старой Европы, в период, как его выразительно характеризует историк, «разразыгравшейся войны между двумя империями», в который славянам «предстояло сыграть роль накопительницы», а кирилло-мефодиевскому вопросу стать «яблоком раздора между империями» [Успенский, 1997, 43]. В связи с этим Ф.И. Успенский пишет: «Деятельность Кирилла и Мефодия в истории Византии должна быть оцениваема во всей ее важности как по отношению к всемирной истории, так, в частности, к славянству. Так, следует рельефно выдвинуть то обстоятельство, что появление на историческом поприще Кирилла и Мефодия есть неизбежный факт в истории Византии, перед которой произведенный Карлом Великим громадный переворот, сопровождавшийся принятием им короны римских императоров, поставил альтернативу или отплатить Запа-

ду им же употребленным оружием в сфере церковно-политической, или совершенно отступить перед Западной империей, оставив ей свободное поле деятельности в Европе...Византия сама открывала мировой период своей истории» [Там же, 1997, 43]. Итак, славянская азбука появилась во время «разлома мира», которое стало «поворотным пунктом» в развитии европейской культуры.

Это время было благоприятным для создания глаголической азбуки. В византийской православной культуре, послужившей «питающим источником», «начальным импульсом» для культуры славянской, уже сформировалась целостная религиозно-эстетическая система, на основе которой стала возможной разработка столь сложной в семиотическом и религиозно-символическом плане азбучной системы.

Как свидетельствуют современники, Кирилл – создатель глаголицы, активный поборник интересов и Византии, и славянства – жил исключительно насыщенной событиями и творчеством жизнью, вел чрезвычайно интенсивную миссионерскую деятельность. Учитель апостольской жизни, Константин-Кирилл имел превосходное образование, которое получил в Константинополе у выдающихся византийских ученых – Льва Математика, возглавлявшего константинопольский университет, и Фотия, теолога, писателя, а впоследствии константинопольского патриарха, одного из основных вдохновителей славянских первоучителей в их миссионерской деятельности. Константин-Кирилл не только сам воспринял глубину и богатство эллинской и византийской культуры, но смог стать «эталоном» учительства для своего времени. Страстный приверженец и проповедник христианства, он был последователем и почитателем раннехристианских философов, отцов Восточной церкви, прекрасно знал их сочинения и использовал в своей миссионерской проповеднической деятельности. Духовное наследие патристики, как будет показано далее, нашло свое отражение не только в речах и произведениях Кирилла, но и в созданной им для славян азбуке. В ее символических знаках и именах были завещаны и навечно закреплены для славян слова Завета как нравственные ориентиры, как духовное напутствие.

К сожалению, славяне со временем потеряли ощущение символического значения начертаний и имен букв своего первого алфавита. Уже в начале X в., вероятнее всего, в Болгарии в правление Симеона, созданная Кириллом глаголица была заменена на другой, более простой алфавит, на-

зываемый теперь кириллицей и составленный на основе греческого письма учеником Кирилла Климентом Охридским [Ильинский, 1931, 79-88; Селищев, 1951, 59; Хабургаев, 1986, 29; Толстой, 1998, 54]. Кириллица, в силу значительного сходства с греческим алфавитом, была более понятна и близка неславянскому миру, в особенности греческим священнослужителям, чему не мог не придавать большого значения Симеон, сам получивший образование в Византии. Да и славянам, еще не обученным письму, она была понятнее тоже (ведь предшествовала традиция писать греческими буквами «без устроения»). Более удобная для удовлетворения государственных нужд и светской переписки, кириллица, некоторое время сосуществовавшая с глаголицей, со временем вытеснила первую славянскую азбуку. Так, несмотря на сохраненную память о создателе славянского письма, постепенно были забыты подлинные начертания глаголических букв, о которых современник Кирилла Черноризец Храбр писал, что это святые письмена, более святые, чем греческие буквы: *чѣмъ же словенская писмена стѣиша сѣ(ть) и ч(с)тнѣиша. стѣ во мѣжѣ сотвориша ѿ естъ. а греческая еллинн поганн...*

Вопросы для обсуждения

1. В чем состоит значение деятельности равноапостольных святых Константина-Кирилла и Мефодия для развития славянского мира?
2. Какие сочинения непосредственно связаны с творчеством Константина-Кирилла Философа?
3. Какие темы наследует от Кирилла славянская книжная традиция?
4. В чем состоит результат деятельности учеников Константина-Кирилла и Мефодия?
5. Чем обуславливается актуальность изучения истории создания славянской письменности в настоящее время?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бернштейн С.Б. Константин-Философ и Мефодий: Начальные главы из истории славянской письменности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 166 с.
2. Верещагин Е.М. Кирилл и Мефодий как создатели первого литературного языка славян // Очерки истории культуры славян. – М.: Изд-во «Индрик», 1996а. – С. 306-319.
3. Георгиев Е. Кирилл и Методий: Истината за създателите на българската и славянска писменост. – София: Наука и изкуство, 1969. – 464 с.
4. Жития Кирилла и Мефодия / Гл. ред. Д.С Лихачев. – Москва: Книга; София: Наука и изкуство, 1986. – 268 с.
5. Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. – М.: Наука, 1988. – 189 с.
6. Карпенко Л.Б. Глаголица – славянская священная азбука. – Самара, 1999. – 210 с.
7. Карпенко Л.Б. Священная азбука Кирилла. – Самара: Офорт, 2004. – 218 с.
8. Карпенко Л.Б. Сказание Черноризца Храбра о письманах. – Самара: Изд-во СаГА, 1999. – 45 с.
9. Ларин Б.А. Образование и начальный этап развития литературного языка в эпоху Киевской Руси (IX-XI вв.) // Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М.: Высшая школа, 1975. – С. 9-23.
10. Павленко Н.А. История письма. – Минск : Вышэйшая школа, 1987. – 236 с.
11. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. 2 изд. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1926. – 296 с.
12. Толстой Н. И. Возникновение письма у славян // Энциклопедический словарь юного филолога: Языкознание. – М., 1984. – С. 53-55.
13. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре: В 2 т. – М.: Школа «Языки русской культуры».- Т.1. Первый век христианства на Руси, 1995 – 875 с.
14. Топоров В.Н. Предистория литературы у славян: Опыт реконструкции. М.: Российск. гос. гуманитарн. ун-т, 1998. – 319 с.
15. Флоря Б.Н. Комментарии к Сказанию Черноризца Храбра «О письменах» // Сказания о начале славянской письменности. – М.: Наука, 1981. – 174-189.
16. Флоря Б.Н. Комментарии // Жития Кирилла и Мефодия / Под ред. Д.С.Лихачева.-Москва: Книга; София: Наука и изкуство, 1986. – С. 94-123; 212-237.
17. Флоря Б.Н. Возникновение славянской письменности // Очерки истории культуры славян. – М.: Изд-во «Индрик», 1996. – С. 299-306.
18. Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 181 с.

Учебное издание

Карпенко Людмила Борисовна

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Учебное пособие

Публикуется в авторской редакции
Компьютерная верстка, макет Н.П. Бариновой

Подписано в печать 16.04.09. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл.-печ. л. 3,25, уч.-изд.л.3,5. Гарнитура «Times New Roman». Тираж 200 экз. Заказ № 1669
Изд-во «Самарский университет», 443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. 8 (846) 334-54-23
Отпечатано на УОП СамГУ